

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Дарья Калинина

Когда
соблазняет
женщина

Сыщицы-любительницы Мариша и Инна

Дарья Калинина

Когда соблазняет женщина

«ЭКСМО»

2009

Калинина Д. А.

Когда соблазняет женщина / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2009 — (Сыщицы-любительницы Мариша и Инна)

В загородном доме миллионера Кротова, где Мариша пыталась расследовать ряд преступлений, трупы появлялись с пугающей регулярностью. После хозяина дома погибает его старший сын, следом – любовница, затем – зять. Но главная забота Мариши – уберечь от гибели Алену. Ведь именно она, внебрачная дочь миллионера, становится по завещанию единственной наследницей всех его денег и недвижимого имущества. А весь клан Кротовых остался теперь нищим и бездомным. Яснее ясного, что убийца находится в доме. Но кто он?! И вдруг умную Маришу озаряет невероятная догадка, и тогда все происходящее обретает совершенно другой смысл...

© Калинина Д. А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дарья Калинина

Когда соблазняет женщина

Глава 1

Алена стояла на балконе, с которого открывался потрясающий вид на Неву. Смольный собор, высокое синее небо над его бело-голубыми стенами – простор такой, что буквально дух захватывало. Именно отсюда, с этой высоты, казалось, что нет в этом мире для нее ничего недоступного. Стоит лишь захотеть, протянуть руку – и все самые несбыточные мечты вдруг возьмут и сбудутся.

Наконец Алена переключила внимание на сам балкон. Честное слово, он того заслуживал! Строго говоря, это был даже не балкон, а просторная терраса, и на ней зимний сад. За стеклами была ранняя весна, но в саду уже чувствовалось пробуждение жизни. Вовсю начинали цвести гиацинты, нарциссы и тюльпаны, расположенные в красиво окрашенных жестяных контейнерах, расписанных глазурью мисках и прочей посуде такой красивой, что в доме у самой Алены использовалась бы не под цветы, а подавалась бы на стол, да и то лишь самым почетным гостям.

За спиной Алены на ветках вьющихся роз набухали толстые почки. А плеть холодостойкого амурского винограда уже покрывалась первыми листочками. Отлично перезимовали взрослый мирт и эвкалипт в громадных напольных кашпо, стоящих на белом мраморе.

Алена обвела взглядом сад, и из ее груди вырвался вздох удовлетворения. Подумать только, и все это великолепие принадлежит ей одной! Просто в голове не укладывалось.

А ведь еще вчерашнее утро для нее началось с привычного уже за двадцать с хвостиком лет ворчания матери. По правде сказать, хвостик этот был весьма приличный. Так что к ворчанию Алена если не привыкла, то по крайней мере притерпелась. Тем более что ворчала мама скорее для порядка, а не по злобе. Свою единственную дочку она горячо любила. И всегда желала ей всего самого лучшего.

Одна беда, это самое лучшее почему-то до сих пор обходило Алену стороной. Впрочем, нечего гневить бога. Не такая уж у них с мамой была и плохая жизнь. Жили они, конечно, не в отдельной квартире, а в коммуналке. Но сосед у них был всего один – тихий алкоголик дядя Гриша, который никогда не скандалил. Просто напивался и ложился спать у себя в комнате. Тихо и мирно. Тогда Алена с мамой следили за оставленными им на плите сосисками. А он в моменты просветления и относительной трезвости пытался поддерживать в их общей квартире порядок – чинил сломавшиеся розетки, вкручивал лампочки под самым потолком, менял прокладки в кранах и бесконечно латал прохудившиеся трубы.

Вообще, их сосед был славным дядькой. И если бы та комната, в которой он проживал, принадлежала бы ему самому, а не была оформлена на бывшую супругу дяди Гриши, то мама Алены давно бы уже прибрала невредного холостяка к рукам. Какая беда, что пьет? Ее собственный муж и отец Алены, по словам матери, тоже пил. Через это дело и помер до срока. Так она всегда объясняла дочери. А дядя Гриша очень даже ничего. И если помрет, так хоть в тепле и сытости, под боком у женушки. И ему хорошо, и ей неплохо.

Конечно, жить с алкоголиком, пусть и с тихим, то еще удовольствие. Но Алена мама была согласна и на это. Потому что у всех есть мечта. А мечта Алениной мамы заключалась в том, чтобы остаться в их трехкомнатной квартире в центре города полноправной хозяйкой.

– Представляешь, сколько может стоить сейчас наша квартира! – возбужденно блестя глазами, не раз говорила Алене мать. – Это же безумные деньги! Можешь мне поверить! Безум-

ные! И Надька – сестра нашего Гриши – отлично это понимает. Так что за свою комнату с нас захочет поиметь по полной программе! Но дело того стоит! Надо копить!

Самой Алене казалось, что хоронить до времени доброго и безобидного дядю Гришу как-то не очень красиво. Получалось, что сестра дяди Гриши и ее мама вроде как сговорились за спиной мужика и теперь выжидают, когда он отбросит тапки, чтобы начать сражение за его жилплощадь. Но и она прекрасно понимала, что их сосед уже далеко не молод, здорово поддает, и трезвым они его видят все реже и реже. Значит, развязка действительно не за горами. И мама, конечно же, как всегда, совершенно права. Куда лучше выкупить его комнату, чем сживаться с новыми соседями. И как знать, кто это окажется? А вдруг семья таджиков или кого-то еще из ближнего зарубежья?

Таджиков Алена не то чтобы не любила, но недолюбливала, как все, чего откровенно не понимала. А этих людей она не понимала совершенно. Что же такое должно твориться у них в их собственной стране, чтобы согласиться ютиться в комнатухах по десять-двадцать человек, питаться исключительно скромно, а зачастую и сомнительной свежести продуктами, купленными по дешевке. И все для того, чтобы послать своим семьям несчастные сто-двести долларов в месяц?

Так не лучше ли им немного затянуть пояса и потерпеть пару лет у себя на родине, но привести в порядок собственную страну и собственную экономику, чем горбатиться всю жизнь на богатого соседа, тихо завидуя и ненавдя его в душе.

А общаться с этими людьми Алене приходилось часто. Гораздо чаще, чем ей бы хотелось. Дело в том, что в прошлом месяце мама обнаружила место, где продавались продукты дешевле, чем всюду в городе. Цены в магазине были действительно ниже плинтуса. Качество и ассортимент тоже. Но, порывшись в гряде второсортицы, можно было раздобыть и что-нибудь приличное. Ну, почти приличное.

– Мы же не сами это есть будем! – втолковывала заартачившейся было девушке ее мать. – Мы клиентам скормим.

– Так ведь гнилье же!

– Все так делают! Иначе свою копейку не заработаешь. Не в супермаркетах же товар для кухни покупать. Так только пятизвездочные рестораны делают. Да и то я сомневаюсь, чтобы они не хотели выбрать где подешевле.

Алена и сама знала, что городские точки общепита стремятся сократить возрастающие расходы за счет качества. А чем они с мамой хуже? Их кафе должно приносить прибыль, если они хотят остаться на плаву, да еще скопить денег на комнату соседа.

Эту комнату Алена потихоньку уже начинала ненавидеть. Сколько сил положено на то, чтобы скопить необходимую сумму. Ее собственная молодость. Личная жизнь. Здоровье матери.

Маму свою Алена очень любила. И хотя во многом осуждала, но вслух этого не говорила. К тому же она знала: мама старается не для себя – ради Алены. Потому что любит ее. Потому что хочет, чтобы дочь жила счастливее и, во всяком случае, богаче, чем она сама.

– Ты только представь, трехкомнатная квартира в центре города! – воодушевленно твердила мама изо дня в день. – Ты будешь богатой невестой! Женихи станут выстраиваться к тебе в очередь.

– Так я что-то не понимаю, ко мне они встанут в очередь или к моей квартире?

– Это одно и то же! Поверь мне, главное – выйти замуж. А как и каким способом, не важно. Штамп в паспорте – это гарантия твоей беззаботной и сытой жизни! Если у тебя есть законный муж, он обязан о тебе позаботиться, хочет он того или нет!

Алена слушала мать, не перебивая. И лишь потихоньку грустно улыбалась. Бедная мама! Воображает, что современного мужчину может остановить штамп в паспорте. Может быть, во времена маминой молодости что-то подобное и наблюдалось, но нынче каждый второй брак

разваливается еще в первый год совместной жизни. Молодые люди с легкостью рвут цепи, которыми необдуманно поторопились себя связать.

Нет, Алена не надеялась на выгодное замужество. В этой жизни нужно рассчитывать только на себя и на свои силы. Она поможет маме скопить денег на эту комнату. А там... там видно будет.

Они с мамой работали в маленьком кафе, где хозяин появлялся раз в день за выручкой. Выручку он получал очень аккуратно. И даже не подозревал, на какие ухищрения идут за его спиной ловкие работницы. Алена была подавальщицей, счетоводом и посудомойкой в одном лице. А ее мама поварихой. Горячий цех, холодный цех да еще и кондитерский – все было на ней.

Конечно, можно было нанять еще людей. Но Ирина Руслановна, так звали Аленину маму, не собиралась ни с кем делиться.

– Не велик труд помыть несколько тарелок и кастрюль, – говорила она. – Зато лишние пять тысяч у нас в кармане. И официантка не нужна. Пока я готовлю, ты все подашь, убереешь и посчитаешь.

Посчитаешь на языке Ирины Руслановны означало – обсчитаешь. И Алена послушно кроила и выгадывала так, чтобы иметь с каждого клиента хоть небольшую, но прибыль. Конечно, хозяин привозил мясо, овощи и деликатесы. И следил за тем, чтобы количество израсходованной провизии совпадало с количеством проданных за день блюд. Но Алена с мамой покупали по дешевке другие продукты, а потом варили, жарили и тушили из них вполне удобоваримые блюда, оставляя хозяина с носом.

– Чего ты морщишься? – удивлялась Ирина Руслановна. – Подумаешь, яблочко с одной стороны битое. И что? Обрежь гнилое! Остальная часть ведь хорошая! И получится отличная начинка для пирожка.

Точно так же поступали с луком, картошкой и другими овощами.

– В четыре раза дешевле! – бухтела Ирина Руслановна. – Не морщись!

И Алена привыкла, что они никогда не берут ничего первого сорта. Только второй или даже ниже. И ничего, всегда прокатывало. Сложней было с мясом, курятиной и яйцами. Согласитесь, если яйцо испорчено, то тут уж трудно что-то придумать. Ну что же, бывало и такое. Выбрасывали.

Однако копейка к копейке, а денежки на вожденную комнату копились. Вот и вчера Алена поехала с мамой в универсам народных цен. Далеко, через весь город. Сначала на метро, потом на трамвае. С тележками туда, с груженными тележками обратно. Порылись в сомнительного качества товарах, выбрали что получше и подешевле. И, уставшие, принялись сортировать, мыть, чистить и резать овощи на завтрашние салаты.

– В результате выходных у меня не было, – жаловалась Алена своей подруге Наташке. Девушки жили в одном дворе. Дома у них были разные, но двери выходили в один двор-колодец. Поэтому ровесницы сначала играли в одной песочнице, потом ходили в одну школу, потом просто частенько ходили вместе гулять по центру города, встречая и провожая белые ночи, празднуя пивной фестиваль и день рождения города. А также все другие новые и старые праздники, какие только остались.

Наташка, в противоположность хрупкой и чернявой Алене, была рослой и склонной к полноте особой. Она была замужем, при этом – счастливо. Во всяком случае, мама Алены считала именно так. Муж у Наташки был шофер. Но два года назад он купил грузовик и начал работать сам на себя, развозя грузы по частным заказам. Получал он прилично, но и пахал тоже. Два кредита, маленький ребенок и избалованная жена требовали своего. Малышу – дорогую игрушку, ей – колечко с брильянтом.

С ребенком сидела бабушка. А Наташка целыми днями либо валялась на диване и смотрела телевизор, либо шаталась по магазинам, либо сидела в салонах красоты, пытаясь придать своей простоватой физиономии хоть какое-то подобие шарма.

Денег на это уходило немыслимо много, а результат отсутствовал. Наташкина простоватость перла из нее, как тесто из кастрюли. Узенькие глазки, нос картошкой, бесцветные волосы и фигура «Мадам, где будем делать талию?». За что Наташку любил или, во всяком случае, терпел ее муж, Алена никогда не понимала. И неустанно поражалась, когда Наташка хвасталась очередным подарком муженька – брильянтовым кольцом, колье или шикарным платьем. Дима что же, не понимает, что колье на его жене как на корове седло? Да и платье сидит на ней не многим лучше!

Больше всего, как ни странно, подходили Наташке спортивные костюмы. Они скрывали ее фигуру и по крайней мере не предназначались изображать то, чего не было и в помине. К тому же Наташка не обладала ни добротой, ни жалостливостью, которые бы как-то красили ее. Вот и в тот вечер она не стала сочувствовать Алене.

– Дура ты, вот и весь тебе мой сказ! – равнодушно обронила она. – Сама себе каторгу устроила, а теперь жалуешься!

– Тебе хорошо говорить. У тебя муж. Он тебя содержит.

– Содержит! И всегда содержать будет. А тебе кто мешает? Выходи замуж и лезь на шею к супругу!

– Так ведь нет никого.

– А ты и не ищешь! Уцепилась за своего торгаша. А он женат! У него двое детей! Он на тебе никогда не женится. И спонсор из него фиговый!

– Ну, все-таки золотой браслет мне на день рождения подарил.

– Браслет! – фыркнула Наташа. – Это за то, что ты с ним по первому его звонку всегда готова? Да еще бесплатно? Да еще с ним одним и вот уже... Сколько вы вместе?

– Девять лет.

– Вот я и говорю! Маловато одного браслета будет. За девять-то лет! И... сколько абортоты от него уже сделала? Три? Пять?

– Не важно.

– Еще как важно! Ты погубила свое здоровье и молодость. А он тебе взамен золотой браслетик. Тьфу! Дура ты и есть!

Алена спорить не стала. Она и так понимала, что Наташка права. И во всех своих бедах мы всегда виноваты в первую очередь сами. Но... Но легче от этой мысли не становилось. И даже почему-то захотелось поплакать. После общения с Наташкой всегда так. И зачем она вообще поперлась с ней в это дурацкое кафе? Наташке что, ей скучно, вот и вытащила ее. Дескать, кофе попить да пирожных поесть. Хотя какие пирожные?! Есть она тут ничего не будет. С тех пор как они с мамой стали работать в кафе у этого их Александра Федоровича и познакомились со всей кухней, Алена в рот ничего не брала в общественных местах. Не могла. Представляла, из чего это все готовится. И не могла. Ее просто тошнило.

А Наташка лопала. Лопала и говорила. Хвасталась, раздуваясь от собственной ловкости и сообразительности. Так что под конец Алене даже стало казаться, что Наташка сейчас просто лопнет. Так они и сидели. Одна гнула пальцы, а вторая униженно слушала, проклиная саму себя в душе и недоумевая, зачем она вообще все это терпит?

Из кафе Алена позвонила Алешке. Может быть, хоть он скрасит ее жизнь? Если бы приехал, они могли бы покататься на его машине по городу. Весна же! Или бы поехали за город. Погуляли бы там по лесу, подышали свежим воздухом. Хоть какое-то удовольствие. И, возможно, жизнь тогда покажется веселей.

Но Алешка трубку не снял. Оно и понятно. Воскресенье. Вечер. По выходным и по вечерам Алешка трубку никогда не брал. Был с семьей. Изображал примерного семьянина. И на то, что творится в душе его любовницы, ему было плевать. По крайней мере до понедельника.

На обратном пути Алена по привычке заглянула в свой почтовый ящик. Там что-то белело. Интересно, счет прислали за телефон или рекламная брошюра? Алена открыла ящик, и сердце ее дрогнуло. Конверт. Ни мама, ни она сама писем не получали уже много лет. Не писал им никто. И сами они никому не писали. К чему, если есть телефон?

К тому же конверт, когда Алена его достала, выглядел необычайно солидно. Длинный, плотный, и адрес отпечатан, а не написан от руки. Глянув на обратный адрес, Алена ничего не поняла. Какая-то адвокатская контора. Зачем она им понадобилась? А в том, что конверт был адресован именно ей, Алена не сомневалась. Имя стояло ее. И адрес тоже был указан правильно.

Так с письмом в руках Алена и поднялась к себе домой.

– Что это у тебя? – сунула нос мама, встречающая дочку в дверях. – Письмо? От кого?

– Не знаю. Адвокатская контора.

Мама неожиданно сильно побледнела. Но в полумраке коридора Алена этого не заметила. Она расшнуровывала ботиночки и беспокоилась о том, как бы не порвать тонкие колготки. Ведь придется покупать новые. А это двести, а то и двести пятьдесят рублей. А эти она носит всего второй месяц, и ни одной зацепочки на них еще нет.

Когда Алена спохватилась, то обнаружила, что осталась одна – ни мамы, ни конверта рядом с ней в прихожей нет. Девушка прошла в комнату и испуганно замерла у косяка. Ее мама сидела за столом, стоящим прямо под люстрой. И читала письмо. При этом по ее лицу текли самые настоящие слезы, а сама она бормотала себе под нос:

– Не может быть! Нет! Не верю!

– Мама! Что случилось? Какое-то несчастье? Кто-то умер?

Ирина Руслановна подняла на нее покрасневшие глаза и кивнула:

– Умер! Умер, и это счастье! Твое счастье, доченька! Господи, я уж и не верила, что это случится!

– Кто умер?

– Твой отец! Он умер!

Алена пожала плечами:

– Ну, знаю. Ты сама мне много раз рассказывала, он пил и...

– Врала я тебе! – перебила ее Ирина Руслановна. – Жив он!

– Кто?

– Твой отец!

– Жив? – поразились Алена. – Но...

– Жив, жив. Врала я тебе всю жизнь.

– Да как же?..

– Верней, был жив, – спохватилась Ирина Руслановна. – А теперь вот пишут тебе, что помер он! Ну, туда ему и дорога. Надеюсь, перед смертью хорошенько помучился. Так ему и надо. Собаке – собачья смерть!

– Мама! – воскликнула пораженная Алена, которая никогда не слышала, чтобы ее мама так отзывалась о людях. – Зачем ты так?

– Зачем? А вот зачем! Ты только посмотри, как мы живем! Посмотри, посмотри! Бедность. Ты работаешь от зари до зари. Сама словно тростиночка тоненькая, а сумки тяжеленные по пятнадцать кило таскаешь.

– Но я сама так хочу. Так надо. Ты сама знаешь. Комната дяди Гриши и...

– Комната! – в ярости перебила ее мама. – Да у твоего отца миллионы! Даже не миллионы, а миллиарды!

– Миллиарды? – прошептала Алена, не в силах справиться с охватившим ее изумлением.

Переход от отца – пьяницы и покойника к отцу – миллионеру и даже миллиардеру был слишком резок. И теперь просто изумленно таращилась на мать, ожидая, когда та скажет еще что-нибудь столь же невероятное. Может быть, ее двоюродная бабушка – это королева Великобритании? А дядя – принц в какой-нибудь африканской республике?

Но ничего такого про другую родню ее мама не сказала. Она рассказывала про отца.

– Твой отец миллиардер! И все эти годы был им! А нам с тобой за все это время ни копейки от своих щедрот не бросил.

– Но почему? Вы с ним поссорились?

– Поссорились! Ты считаешь, что порядочный человек, поссорившись с женщиной, допустил бы, чтобы его ребенок рос в нищете? Ведь я ничего не могла себе позволить для дочери! Ни учителей хороших! Ни отпуска у моря! Ни одежды красивой!

– Мне всего хватало.

– Так это потому, что ты у меня славная девочка. И всегда понимала, что денег у нас мало. Потому и не требовала ничего. А мне-то каково было? Знала ведь, что отец у тебя богач, а ни копейки нам не дает!

– Но почему так?

– Подлец он!

– Но ведь... Ты могла подать на алименты!

– Тогда так не принято было.

– Как не принято?

– Ну, чтобы люди не женаты, а алименты на дите платили бы.

– погоди, – растерялась Алена. – Так вы с моим отцом в загс не ходили?

– Нет.

– Но ты мне рассказывала про вашу свадьбу. Какое у тебя было красивое платье с фатой. Какой папа был в тот день нарядный. И как вы хорошо праздновали в ресторане, а потом прямо из-за стола твой папа увез тебя к морю.

– Врала. Верней, фантазировала. Хотелось мне, чтобы так все и было. Да только...

И Ирина Руслановна выразительно развела руками. Алена молчала. Она не знала, что говорить. В короткий срок на нее обрушилось столько новой информации, что девушка не могла прийти в себя и понять, как же она ко всему этому относится.

– Значит, вы с моим отцом не были женаты и меня он своим ребенком не признал?

– Точно.

– А почему же перед смертью решил вспомнить?

– Может быть, совесть проснулась, – предположила Ирина Руслановна. – Все-таки он знал, что ты его дочь. Ты на меня не похожа, а с ним словно две капли воды.

– И что? Почему же не помогал-то, раз похожа?

– Упрямый он был очень. Упертый. Если уж что сказал, то ничем его не сдвинуть. Как узнал, что я беременна, сразу про аборт заговорил. Я ни в какую. Рожу, говорю. Ну, тогда, сказал, как хочешь. Но если родишь, ни тебе, ни ребенку от меня помощи не будет. И не соврал. Ни разу не помог. Ни рублем, ни знакомством. А ведь у него и при советской власти папаша в начальниках сидел. И сыночка к делу пристроил. А уж после перестройки твой отец и вовсе в гору пошел. Да ты его видела!

– Я?! Где?!

– По телевизору.

– Когда?

– Да его без конца показывали. То дом культуры с министром открывает, то детскую больницу, то еще чего. Благотворительностью увлекся на старости лет. Я как посмотрю очередную передачу с его участием, так прям кривит всю от злости. Чужим детям больницы строит,

приюты открывает, столовые для бездомных. Хороший такой. А собственное дитя из последних сил надрывается, чтобы комнату в коммуналке купить!

Алена молчала. Она просто не знала, что говорить. И тут ее взгляд внезапно упал на конверт, распечатанный матерью. Алена протянула руку и взяла листок плотной бумаги. На нем деловым канцелярским слогом извещалось, что ей надлежит явиться завтра в адвокатскую контору «Кац и сыновья», где ее ознакомят с завещанием Кротова Сергея Юльевича.

– Сергей Юльевич, – пробормотала Алена, теперь вспоминая этого невысокого седовласого мужчину, который действительно частенько мелькал на экране телевизора.

Когда дикторша в первый раз назвала его по отчеству, Алена подумала, что та оговори-лась или просто картавит. Но оказалось, что он именно Юльевич, а не Юрьевич. Дикторша не ошиблась. Просто у мужика отец был не Юрий, а Юлий – как Гай Юлий Цезарь, к примеру.

Этот невысокий мужчина держался с таким достоинством и, Алена бы даже сказала, высокомерием, что казался выше окружавших его людей – охраны, чиновников и прочих. И всегда губы Сергея Юльевича были поджаты, так что Алене как-то не верилось, что он делает добро искренне, от чистого сердца. Казалось, что его благотворительность – это показуха, рассчитанная на недалекие умы.

– И что же теперь? – прошептала Алена. – Он мне оставит хоть что-нибудь?

– Надеюсь!

Алена молчала. Господи, хоть бы этого папашиного наследства хватило им с мамой на комнату! Тогда конец унижительным походам по оптовым рынкам. Конец гнилым помидорам и порченым яблокам на компоты! Конец ежедневным тягестям и вечному страху, что их с мамой поймают, уличат, оскандалят!

– Пойдешь? – с надеждой спросила у нее Ирина Руслановна.

– О чем речь! Пойду!

– И верно, доченька. Не думаю, что твой отец шибко расщедрился. Но пусть хоть несколько тысяч да получим.

– Конечно. Они нам за так достанутся. Считаю, что на дороге нашли!

И мать с дочерью еще раз перечли послание от адвокатской конторы. Никакой ясности в то, насколько щедр мог быть с Аленой ее покойный папаша, это письмо так и не внесло. И обе женщины принялись увлеченно строить догадки, сколько же отвалит своей незаконнорожденной дочери отец. И что скажут по этому поводу остальные наследники. А уж они найдут, что сказать. Вот в этом можно было не сомневаться.

Глава 2

В понедельник ровно в назначенное время, минута в минуту, Алена стояла у дверей адвокатской конторы. Двери выглядели необычайно солидно. Массивные, из какого-то очень красивого красноватого с разводами дерева, они были украшены бронзовыми накладками и в таком же стиле тяжелыми ручками.

Алена уже прошла пост охраны у ажурных ворот, пересекла небольшой садик во французском стиле с безупречно ровными дорожками и подстриженными деревьями, обогнула фонтан, где в пенных струях воды стояла Фемида со своей обычной повязкой на глазах и весами в руках. И вот, подойдя к дверям самого адвокатского офиса, Алена вдруг оробела.

Очень уж они, эти двери, выглядели внушительными. И Алена внезапно ощутила себя жалкой дворняжкой, случайно оказавшейся в парадных покоех.

– Ничего! Ты должна! У тебя есть приглашение! Тебя ждут другие люди. Без тебя не начнут, и ты всех удержишь.

Аутотренинг сработал. Дышать стало немного легче. И, толкнув тяжелые двери, Алена оказалась в помещении. Но страх ничуть не прошел, напротив, как-то сразу стало ясно, что Алена не соответствует этому месту. Туфли у нее хотя и куплены не на рынке, а в Гостином дворе, но сшиты явно не в Италии, да и из моды вышли. В этом сезоне лак уже не носили. А носили тисненую кожу с круглыми носами. Куртка у нее хотя и из «Снежной королевы», но куплена на распродаже и тоже далеко не хит сезона. А волосы подстрижены не в салоне, а у алкашки-парикмахерши, которая хотя и была хорошим мастером, но пила так часто, что Алена никак не могла улучшить момент между ее запоями. Так что Аленины кудри давно вышли из повиновения и нуждались в стрижке.

– Ой, – прошептала Алена, оглядываясь по сторонам. – Куда же мне идти?

Но тут отворилась одна из дверей, и из нее появилась средних лет женщина в безупречно сидящем костюме. Она взглянула на Алену, как той показалось, с презрением и произнесла:

– Что вам угодно?

– Мне? У меня... Вот!

И Алена шагнула вперед, протягивая полученное вчера по почте приглашение. Женщина внимательно изучила его, с сомнением посмотрела на Алену и спросила:

– Голышева Алена Сергеевна – это в самом деле вы?

– Я!

– Ваш паспорт!

Документы у Алены были с собой. На всякий случай она захватила и паспорт, и метрику, и диплом о среднем специальном образовании. Вдруг понадобится? Пусть эти адвокаты видят, ей скрывать нечего! Женщина взяла только паспорт.

– Присядьте!

Алена послушно присела на краешек пышного кожаного дивана, попутно удивившись его мягкости. Только бы не поцарапать и не испачкать, мелькнула у нее опасливая мысль. Алена в дорогих вещах разбиралась неплохо. Не потому, что имела их, а потому, что очень бы хотела иметь такие. И за неимением лучшего развлечения много времени проводила в магазинах, прицениваясь к одежде, вещам и мебели.

Так что теперь она быстро подсчитала в уме примерную стоимость этого дивана, антикварного письменного стола, за которым сидела секретарша, и всей остальной обстановки приемной. Получалась такая цифра! Ого-го какая цифра! Целых полторы комнаты дяди Гриши! И это только приемная! Что же делается в кабинетах у самих адвокатов?

– Скажите, я рано пришла?

– Вы пришли вовремя!

От секретарши веяло арктическим холодом. И Алена быстренько заткнулась, хотя ей до смерти хотелось узнать, где же другие наследники ее папаша и придут ли они? Может быть, он одинок? Хотя нет, по телевизору что-то говорили про его большую и дружную семью. Так где же они все?

– Подождите здесь, вас вызовут! – бросила секретарша и вышла из приемной.

Алена вновь осталась одна. Прошло около десяти минут, показавшихся ей вечностью. И внезапно тяжелая входная дверь снова отворилась, и в нее вошла группа богато одетых людей. Алена совершенно вжалась в свой диван. То, что перед ней очень богатые люди, она поняла сразу. И дело даже не в том, как они одеты, один, например, был в рваных джинсах и расстегнутой на груди рубашке, но люди эти как бы источали тот особый аромат, который исходит от больших денег. Это неправда, что деньги не пахнут. Пахнут, и еще как! Аленины деньги пахли гнилой картошкой, а деньги этих людей – черным золотом, дорогими иномарками и роскошными бутиками, которые они посещали не развлечения ради, а исключительно с целью одеться и обуться.

Вновь появилась секретарша. Но боже мой, какая разительная перемена! От всего ее высокомерия не осталось и следа. Она буквально стелилась ковриком, заискивая перед этими людьми.

– Сергей Сергеевич! Владимир Сергеевич! Ольга Сергеевна! – восклицала она непрерывно. – Как добрались? Хотите чаю, кофе?

Ей-то кофе никто и не подумал предложить! И почему у всех пришедших одинаковое отчество? И внезапно Алену озарило. Трое – это ее братья и сестра! А остальные? Наверное, их мужья и жены.

Народу было много. На мечущуюся секретаршу никто из них не обращал внимания.

– Где старик Герман? – спросил тот самый парень в расстегнутой на груди рубашке. – Мы все здесь! Почему он заставляет нас ждать?

– Где он прохлаждается? – подхватила девушка, в ушках которой поблескивали крупные бриллианты.

В каждом покачивалось по целому новенькому автомобилю, на который иные люди копят годами.

– Нам некогда!

– Покончим с формальностями и займемся делом!

– Герман Генрихович! Будьте так любезны! Явите нам свою сиятельную милость! – с издевкой крикнул самый взрослый из троицы.

Тот самый Сергей Сергеевич, видимо, как поняла Алена, первенец ее отца. Наследник. Господи, что она тут делает? У ее отца помимо нее куча законных детей – наследников! Зачем она пришла? Только опозорится! Ведь совершенно ясно, что отец оставит все свои деньги своим родным детям. А кто она ему? Он ее даже и не знал совсем!

Алена до того разволновалась, что потихоньку встала и двинулась к выходу. Но удрать ей не удалось. Дверь кабинета адвоката распахнулась, и Алена замерла на месте, пригвожденная словами:

– Прошу всех войти.

Она попыталась сделать вид, что к ней это не относится, но секретарша проявила бдительность и, перекрыв своим телом пути к отступлению, буквально загнала Алену следом за другими. В кабинете адвоката Алена окончательно перепугалась. Да так, что теперь почти ничего не видела. В глазах у девушки потемнело. Она забилась в самый дальний угол, где стоял жесткий стул, и замерла. Кожей она чувствовала недоуменные взгляды остальных, и до нее даже донесся шепоток:

– Кто это такая?

– Посмотрите на ее джинсы.

- Она бы еще кроссовки нацепила для деловой встречи.
- Кто это?
- Какая-нибудь из папашиних шлюшек.
- Наверное, надеется, что папаша отщипнул и ей крошку.
- Зря надеется! Папа умел блюсти интересы семьи!

Алена забилась еще глубже в свой угол. Как она раскаивалась в том, что вообще пришла сюда. Ведь ясно же, что отец ничего ей не оставит. Наверное, просто захотел в последней раз поиздеваться над мамой, когда-то послушавшейся его и оставившей в живых ребенка, которого он так не хотел.

Встать и уйти! Но это бы значило привлечь к себе еще больше внимания. Поэтому Алена осталась на своем месте. Из всех сил стараясь быть как можно незаметней. Тем не менее появление господина Каца она пропустить не смогла.

Адвокат был видным мужчиной с целой гривой густых седых волос и полноватой фигурой, которую ладно облегал дорогой костюм. Было в его облике что-то львиное, монументальное и величественное. Чувствовалось, что он прекрасно понимает, какая он важная шишка. И это ему здорово нравится.

Он долго говорил о том, каким замечательным человеком был покойный Сергей Юльевич. Так долго, что Алена даже немножко приободрилась и осмотрелась по сторонам. Она даже сумела увидеть, что галстук у адвоката английский и в нем воткнута бриллиантовая булавка. Но дальше адвокат принялся читать завещание, и Алене стало уже не до чужих галстуков.

Вначале шли какие-то имена, которых она не знала. Но пояснялось, что люди из списка – слуги Сергея Юльевича: экономка, шофер, садовник и горничная, прослужившие в его доме более десяти лет. Всем им полагались суммы от десяти до ста тысяч долларов.

«Ничего себе! – мысленно ахнула Алена. – Если он шоферу отстегнул сто тысяч и глазом не моргнул, то сколько же у папашы всего было денег?!»

Но поражена была она одна. Судя по реакции остальных, они считали эти выплаты сущей ерундой, не стоящей особого внимания. И с нетерпением ждали продолжения. Наконец адвокат подошел к концу завещания.

– И наконец, – зычным, хорошо поставленным голосом произнес он, – «...все остальное мое движимое и недвижимое имущество, которое состоит из счетов в трех иностранных банках на территории Германии, Швейцарии и США, а также контрольного пакета акций двух российских банков, трех горнодобывающих комплексов в Алтайском крае, двух ресторанов, четырех супермаркетов, сети автозаправок топливной компании „Орио“, собственного дома в Сестрорецке, двух городских квартир и гаража с коллекцией легковых автомашин, я оставляю Алене Сергеевне Голышевой, моей дочери, такова моя последняя воля».

На какое-то время в кабинете стало очень тихо. Так тихо, что было слышно, как под потолком радостно жужжит первая весенняя муха. Ей не было никакого дела до того, что происходит внизу – у людей. Там рушились судьбы, надежды и стремления, а мухе и горя было мало. Она радовалась теплу, солнечному деньку и тому, что длинная холодная зима наконец закончилась и можно смело выйти из спячки.

Первой заговорила та самая холеная девица с бриллиантовыми серьгами.

– Я что-то не поняла, – похлопала она по сторонам большими глазами с густо наращенными ресницами. – Какая еще Алена Сергеевна? Какая еще дочь? Дочь у нашего папы одна. Это я. И меня зовут Ольга. И никакая я не Голышева. По мужу я Славина, а урожденная Кротова. Что за Алена Голышева? Как это понимать?

На ее вопрос ответил ее старший брат. Тот, красивый, в расстегнутой рубашке, явно еще не врубился в происходящее и молча таращился на адвоката. А вот Сергей оказался смекалистее своих брата и сестры и ответил:

– Так и понимай, Оленька. У нашего папочки была еще одна дочурка. И деньги он оставил ей.

– А я?

– Что ты?

– Я ему кто?

Мужчина пожал плечами.

– А деньги? – не унималась Ольга.

– Деньги он оставил той дочери.

– Какой?

– Другой.

– Какой другой?

– Ты же слышала! – начиная раздражаться, ответил ей брат. – Алене Гольшевой.

– А мне?

– Дура! А тебе шиш с маслом!

И, помрачнев, мужчина добавил:

– Впрочем, как и всем нам.

– И кто она такая эта Алена? Откуда она взялась?

Этот вопрос был адресован адвокату.

– Что это за история, уважаемый? – нехорошим голосом произнес старший из братьев Кротовых. – Что за подстава?

– Я тут ни при чем, – развел руками Кац.

– Отец никогда не упоминал ни про какую дочь!

– Многие мужчины имеют детей вне брака. И не ставят в известность свою семью.

– Мы про нее ничего не слышали.

– И тем не менее внебрачная дочь у вашего отца имелась. И именно ей он захотел передать все состояние. Это четко прописано в завещании.

– Чушь, – презрительно фыркнул Сергей. – Бумажка!

– Это не бумажка, а официальное завещание.

– Я все понял! – внезапно взвизгнул младший из братьев Кротовых – Владимир. – Это подделка! Вы подделали бумаги!

– Молодой человек, я бы вас попросил не разговаривать со мной в таком тоне!

– Где настоящее завещание моего отца?!

– Я только что огласил его перед вами.

– Подделка! Отец не мог лишить нас всего! Вы – мошенник!

– Если вы не прекратите, я буду вынужден вызвать охрану.

– Валяй! – окончательно пошел в разнос младший. – Вызывай! Я тебе сам кого хочешь вызову! Развести нас вздумал! На бабки кинуть захотел! Бумаги отца подделал! Да я тебя... Да ты у меня...

Когда Владимир дошел до того, что они с адвокатом сделают и в какой позе, тот побагровел и грохнул кулаком по столу.

– Охрана!

И тут неожиданно вмешался старший из братьев. Схватив разошедшегося Владимира, он силой усадил брата на стул и повернулся к адвокату.

– Господин адвокат, мы с братом требуем объяснений, – едва сдерживая рвущееся наружу негодование, произнес он.

– Как вам угодно, – сухо ответил тот. – Объяснения будут вам даны.

– Мы слушаем.

– И если бы вы не стали перебивать меня самым возмутительным образом, то давно бы их уже услышали.

Владимир снова взъярился.

– Серега, да что ты слушаешь этого старого козла! Скажи ему, что ни одной минуты мы не станем иметь дело с их конторой. Они потеряли своих клиентов!

– Вы никогда и не были моим клиентом, – сухо поправил его адвокат. – Ваш уважаемый батюшка – да. А вот вы – нет.

– Теперь отец умер...

– И моим клиентом опять же являетесь не вы. Вас в завещании нет. Моим клиентом является Алена Голышева.

– Да кто она такая? – произнесла холеная женщина лет сорока, которая до этого не проронила ни словечка. – Можем мы узнать?

– Для вас, мадам Кротова, все, что угодно.

Алена разинула рот. Мадам Кротова? Выходит, что эта шикарная сорокалетняя женщина – мать троих взрослых детей? Да старший своей матери в мужа годится. Во всяком случае, выглядят они почти ровесниками. Эта женщина просто не может быть их матерью! Адвокат что-то напутал.

– К завещанию вашего мужа, – произнес адвокат, глядя на мадам Кротову, – имеется приложение. И в нем подробно указываются причины, по каким ваш муж и отец ваших детей принял столь странное и, не побоюсь этого слова, неожиданное для многих решение.

– Я вся внимание.

– Если разрешите, я озвучу вам его пояснительную записку. И думаю, недопонимание исчезнет.

– Сделайте милость.

Адвокат откашлялся, взял со стола диск и вставил его в DVD-проигрыватель. Прошло несколько томительных секунд, и из динамика донесся хрипловатый низкий голос:

– Дорогая моя семья, дорогие мои лизоблюды и прилипалы. Довожу до вашего сведения, что я считаю и всегда считал вас захребетниками, живущими и жирующими за мой счет. Меня раздражало ваше полное неумение зарабатывать себе на жизнь. Бесило ваше нежелание добиться в этой жизни чего-нибудь самостоятельно. Я ждал долго, я давал вам тысячу возможностей измениться. Но ничего не менялось. И наконец мне надоело. Надоело, что вы – молодые, полные сил и энергии люди – не живете самостоятельно, а постоянно заглядываете в мой кошелек, добиваясь все больших и больших подачек. Одним словом, чтобы не быть многословным, я в последнее время относился к вам как к стае шакалов.

– Не может быть! – ахнула мадам Кротова. – Мой муж не мог сказать о нас такие слова. Это оскорбительно!

– Вам знаком голос вашего мужа?

– Да.

– Послушайте дальше. Это его голос?

Мадам Кротова растерянно взглянула на адвоката.

– Да, голос его. Но...

– Комментарии потом, – предостерег ее адвокат. – Потерпите. Тут уже немного осталось. И он снова нажал на кнопку воспроизведения записи.

– Поэтому я принял решение оставить все свои деньги не кому-нибудь из вашей сучьей стаи, а единственному своему ребенку, который никогда не видел от меня никакой помощи. И быть может, благодаря этому смог вырасти полноценным членом общества, а не паразитирующей тварью, как любой из вас. Заранее предупреждаю, во всех банках мной лично оставлены соответствующие распоряжения. Так что отменить мое решение, признав меня сумасшедшим или господина Каца мошенником, у вас не выйдет. Советы директоров всех моих предприятий, ресторанов, магазинов и заводов также предупреждены о том, кто ныне стоит во главе моей компании. Я решил, пусть лучше моя младшая дочь из-за неумения управлять пустит

по ветру все мои деньги, чем они достанутся вам, милые мои домочадцы. А за сим прощайте, ваш любящий папочка и муж. Надеюсь, хоть после смерти я сделаю из вас то, чего не сумел добиться при жизни.

Адвокат нажал на «стоп» и внимательно посмотрел на собравшихся.

– У кого-нибудь есть вопросы?

– Мама! – кинулась Ольга к своей матери. – Сделай же что-нибудь!

Но мадам Кротова даже не обратила на дочь внимания. Она сидела, не в силах шелохнуться. И лишь губы беззвучно шевелились.

– Мама! Не сходи с ума!

– Заткнись, дура! – наконец отмерла Кротова.

– Мама!

– Это все из-за тебя! Привела жиголо в дом! Вот отец и разозлился!

– Не смей так отзываться о моем муже! – взвизгнула Ольга. – Я его люблю. И он меня любит!

– Он любил твои деньги. Посмотрим, как долго он останется твоим мужем после того, как ты стала голодранкой.

– Твое положение ничуть не лучше! – парировала Ольга. – Твой Никодим тоже бросит тебя! Завтра же! И это ты разозлила отца! Я хоть замуж вышла. А ты... ты с ним так! Шлюха!

В ответ мадам Кротова влепила дочери звонкую пощечину. Та зарыдала. И ее бросился утешать молодой человек с порочным и хитрым лицом профессионального альфонса. Как поняла Алена, муж этой Ольги. Жиголо. Ну и семейка!

– Это оскорбление! – повернула тем временем мадам Кротова к адвокату свое побледневшее от ярости лицо. – Та запись, которую вы дали нам прослушать, она откровенно омерзительна и оскорбительна!

– Это собственные слова вашего мужа.

– Мы подадим в суд! Завещание будет опротестовано!

– Ваше дело, – пожал плечами адвокат. – Но на вашем месте я бы этого не делал.

– Вот как? Почему же это?

– Судебная тяжба – дело дорогостоящее. Оно вам в настоящий момент не по карману. Потому что, простите меня за откровенность, но все вы с сегодняшнего дня нищие. К тому же заранее вам говорю, сколько бы вы ни заплатили, слушание вы все равно проиграете. Сергей Юльевич ожидал от вас подобной реакции и подстраховался во всех инстанциях. Вам ничего не светит.

– А не потому ли вы это говорите, что сами все и подстроили, господин адвокат? – прищурился, уставившись на Каца, Сергей. – Сдается мне, что мой брат не так уж и не прав!

Адвокат поморщился, но вступать в дебаты не стал.

– Я вас прекрасно понимаю. И ваша реакция вполне предсказуема. Поэтому я не стану слишком уж обижаться на вас. Но впредь, прошу вас, никогда не обращайтесь ко мне за услугами. Впрочем, я думаю, вам этого и не придется делать. Не тот у вас нынче уровень, господа. Нет, не тот!

И покачивая большой седой головой, адвокат произнес:

– А теперь всех, кроме госпожи Голышевой, прошу покинуть мой кабинет.

– Голышева? – тут же вскричала Ольга. – Это та сучонка, которой отец оставил все наши деньги! И где она?

– В самом деле! Адвокат, мы имеем право знать, кому отец оставил все свое состояние.

Адвокат задумался.

– Никаких прав вы отныне не имеете, – произнес он затем. – Но так как вы все равно не успокоитесь, то почему бы мне и не оказать вам последнюю любезность.

– Да уж, будьте так добры.

Адвокат кивнул.

– Госпожа Голышева! Выйдите вперед. Будьте так добры.

Все замерли. В том числе и Алена. Кто эта Голышева, которую они все ждут? И тут ее словно током шандарахнуло. Так Голышева – это же она! Она самая! Это ее ждут все эти важные распальцованные дяди и тети. Ждут, когда она выйдет и покажется им.

– Госпожа Голышева!

Нет, ни за что на свете! Алена вжалась еще глубже в свой стул. Ни за что она не выйдет. Они же просто разорвут ее на части! На клочки, на клочочки!

– Алена, – вдруг раздался голос адвоката совсем рядом с ней.

Оказывается, он давно подошел и теперь стоял рядом со сжавшейся в комочек Аленой.

– Не бойся, девочка моя, – отчасти даже ласково произнес адвокат. – Встань, и пройдем ко мне. Я должен поговорить с тобой о твоём отце. Показать кое-какие бумаги. И передать тебе его последнюю волю.

И, взяв трепещущую Алену своей большой теплой рукой, он словно маленькую девочку провел ее сквозь ряды других наследников. Алена всей кожей чувствовала исходящую от них ненависть. Их взгляды буквально прожигали на ней дырки. И она всерьез опасалась, что волосы на голове сейчас начнут плавиться.

Адвокат провел ее в конец зала, где обнаружилась еще одна небольшая дверца. И остановившись перед ней, он повернулся к остальным наследникам. При этом он как бы прикрывал Алену от них своим большим грузным телом.

– Прощайте, господа, – со значением произнес адвокат. – Было чрезвычайно неприятно иметь с вами дело. Охрана вас проводит до выхода.

И с этими словами он слегка подтолкнул Алену, одновременно открыв перед ней дверь. Что происходило в кабинете после этого, Алена не видела. Действительно ли обманувшихся в своих ожиданиях выгоняла из адвокатского офиса охрана или они ушли сами, Алена не знала. Но чувствовала, что сегодня она – никогда и никого не обидевшая – обрела разом целую кучу врагов.

Захлопнув дверь и оставшись с Аленой наедине, адвокат неожиданно бурно выдохнул:

– Уф-ф-ф! Проклятая свора! Сергей Юльевич был совершенно прав. Ни одного порядочного человека.

– Вы это о ком?

– О твоих новых родственниках, моя дорогая.

– Родственниках? Но...

– Хочешь ты этого или нет, но тебе придется с ними общаться.

– Я не хочу! – поспешно отказалась Алена.

– Поверь мне, придется. Эти люди не оставят тебя в покое. Они постараются втереться к тебе в доверие. Ведь теперь ты их новая кормушка.

– Я?! – изумилась Алена. – Но с какой стати мне кормить эту ораву? Они все вполне здоровы. Да на них пахать и пахать!

Адвокат неожиданно хлопнул в ладоши и воскликнул:

– Bravo! Вот это здоровый подход к делу! Одобряю!

– Да в чем дело? – удивилась Алена. – Чему вы радуетесь? Я всего лишь сказала правду.

– Видишь ли, девочка. Дело в том, что очень многие в наше время не решаются сказать эту самую правду.

– Уж нет, извините, – заверила его Алена. – Если мне в человеке что-то не нравится, то я ему сразу же так и говорю.

– И полагаю, страдаешь за это по полной программе? – ухмыльнулся адвокат. – Люди ведь не слишком любят, когда их гладят против шерсти.

Но Алену больше беспокоила практическая сторона вопроса. Столько новых впечатлений. О чем же спросить в первую очередь?

– А почему вы сказали, что я должна кормить всех этих людей?

– Да не обязана ты! Но они думают именно так!

– Что я должна их кормить?

– А также поить и одевать, – кивнул адвокат, – оплачивать их счета и регулярно подбрасывать карманных денежек. Причем сразу же хочу тебе сказать, что аппетиты у твоих родственничков будьте нате! Покойный твой отец много раз жаловался мне, что избаловал жену и детей. А когда те выросли и обзавелись собственными семьями, груз заботы возрос еще больше. Ведь теперь приходилось содержать вдвое больше народу.

– Мои братья женаты?

– Только старший.

– Сергей? А Владимир?

– Тот пока что холост.

Как ни странно, эти слова адвоката приятно порадовали Алену. Что это с ней? Она что, влюбилась в собственного брата? Пусть они родные только наполовину, но все равно в них одна кровь. Какой кошмар!

– Но у твоего старшего брата есть ребенок. И сейчас его жена в ожидании второго отпрыска.

– И они собираются посадить и этого ребенка мне на шею? Так я против! Я собственных детей не завела, а тут чужих содержать. Вот уж фигушки!

– Все не так плохо, – поспешил успокоить ее адвокат. – Твой отец оставил тебе очень крупное состояние. Не побоюсь этого слова, одно из самых крупных в нашей стране.

– Seriously?

– Seriously.

– И что... что мне со всем этим богатством делать? – чуть помедлив, спросила Алена.

– Хороший вопрос, – одобрил адвокат. – Да что хочешь!

– То есть?

– Хочешь, можешь истратить. Впрочем, быстро у тебя это вряд ли получится. Слишком велика сумма. А хочешь, можешь поручить свою империю управляющему комитету. А хочешь... встанешь у руля компании сама.

– Мой отец стоял у руля сам?

– Да.

Алена замялась.

– Я не тороплю тебя с ответом, – тут же сказал адвокат. – Подумай, присмотришься, что и к чему. А там видно будет. Девочка ты умная.

– Откуда вы знаете?

– Что?

– Откуда вы знаете, что я умная?

Казалось, адвокат растерялся.

– Так сказал мне Сергей Юльевич.

– А он? Откуда он знал? Мы с отцом никогда в жизни не виделись.

– Возможно. Но когда у него появилась идея оставить все свое состояние именно тебе, он нанял детектива следить за тобой.

– За мной? Следить? За мной что, следили?

– Пожалуй, я несколько поторопился похвалить твой ум, – вздохнул адвокат. – Ну, ясное дело, если был нанят сыщик, то он за тобой следил!

– Погодите! Как это? Как это за мной следили? Да кто им разрешил?

– Ну, твой отец был человеком, которого чужое мнение мало волновало. Раз решил, значит, правильно.

– Гад какой! – разозлилась Алена.

– Осторожней, ты говоришь о покойнике.

– Да плевать я хотела! Я этого покойника и не знала никогда! И ничего хорошего я от него не видела!

– Не видела. Исключая лишь тот факт, что этот покойник сделал тебя богаче на целых тринадцать миллионов долларов. Вот и все!

На мгновение Алене показалось, что весь мир вокруг нее остановился. Грандиозная сумма потрясла ее до самых пяток. И Алена тяжело и часто задышала, таращась на адвоката словно вынутая из воды рыба.

Глава 3

Когда Алена вновь обрела возможность управлять своей речью, она прошептала:

– Сколько, сколько, вы сказали, отец мне оставил?

– Тринадцать миллионов.

– Долларов?

– Долларов.

– Мне?

– Тебе. Наличными. А что? Пустячок, безделица.

Алена едва дышала. Господи! Какие деньжищи! Им с мамой не снилась и сотая часть!

– И это только что касается тех денег, которые лежат на текущих и целевых вкладах, – поторопился сказать адвокат. – Прибавь стоимость акций, которые в любой момент могут быть обращены в наличные. Стоимость недвижимости при этом я не учитывал.

– Что?

– Стоимость доставшейся тебе в наследство недвижимости...

– Сколько?

– Стоимость колеблется...

– Сколько?

– По самым скромным подсчетам, ты разбогатела еще на сто сорок пять миллионов.

Сто сорок пять миллионов! И тринадцать миллионов в звонкой валюте плюс акции! Она в любой момент может купить себе комнату дяди Гриши! Да что там комнату! Теперь она может купить себе любую квартиру в их городе. В Болгарии у Черного моря! В Турции! В Финляндии. Да где угодно! Во всем мире! Ура!

Стоп! У нее же уже, кажется, есть квартира! Даже целых две?

– Верно, – кивнул головой адвокат на ее вопрос. – И мои приставы проводят тебя туда. Покажут что и как. Познакомят с прислугой.

– Прислуга? У меня есть прислуга?

Но тут же Алена прикусила язык. Она ведь слышала про шофера, горничную и других. Ясное дело, что у нее есть прислуга! Целый штат прислуги! И что с ними теперь делать?

– Полагаю, что будет благоразумно на первых порах ничего не менять, – предвосхитил ее вопрос адвокат. – Чтобы впопыхах не наломать дров.

– Да. Я тоже так думаю.

– Вот и прекрасно. Значит, мы договорились? Ты берешь эти деньги?

– Что? Вы шутите? Конечно, беру!

– Тогда, думаю, я могу познакомить тебя с последним волеизъявлением твоего покойного отца.

– Волеизъя... Чего?

– Твой отец поручил мне передать тебе не только деньги.

– А что еще?

Вместо ответа адвокат вытащил из кармана конверт и отдал его Алене. В конверте лежало что-то твердое, плоское и гладкое.

– Там диск. Диск со словами твоего отца. К тебе. Прослушаешь его вместе со мной или одна?

– Одна, – вырвалось у Алены. – Вы не обидитесь?

– Разумеется, нет.

– Понимаете, вдруг он хотел там сказать мне что-то личное? – извиняющимся тоном пробормотала Алена.

– Прекрасно понимаю. И очень надеюсь, что именно так и будет. Ты можешь остаться тут. Я выйду. Стены в этом кабинете звуконепроницаемы. Так что ты будешь тут в полной безопасности.

– Хорошо.

Адвокат вышел, а Алена поспешно включила проигрыватель и сунула в него диск.

– Здравствуй, Алена, – донесся до нее уже знакомый голос. – Здравствуй, дочка. Не уверен, могу ли я называть тебя так. Полагаю, что вы с матерью сильно обижены на меня. Не стану скрывать, я поступил с вами, верней, с тобой очень жестоко. Теперь я это хорошо понимаю. Но в молодости я был куда более самоуверен. И все свои поступки оправдывал тем, что знаю, как сделать лучше. И всем остальным моим близким полагалось либо слушаться, либо уходить. Твоя мать предпочла второй вариант. И ушла.

Алена слушала, сжав кулаки. Этот голос с диска принадлежал ее отцу. Отцу, которого она давно привыкла считать мертвым. Пил – и умер. И вот теперь он говорит с ней, а она не может даже ничего ему возразить, поспорить, накричать на него. Какое издевательство!

– Не стану утверждать, что тебе повезло, – продолжал голос ее отца. – Получив эти деньги, ты одновременно обзавелась целой шайкой прихлебателей. Не воображай, пожалуйста, что тебе удастся избавиться от моей супруги или детей. Если тебе удастся сделать из них полноценные личности, то, значит, ты куда умней, хитрей и изворотливей, чем был я.

Алена хмыкнула. Будь уверен, папочка! Никто из твоих родственничков ни копейки на наряды или отдых в Куршавеле не получит. Все! Хватит! Наотдыхались! Теперь пусть осваивают профессии и идут работать. На это она им денег даст. Не совсем же она стерва. Ну а потом – гуд бай и до свидания!

– Кроме того, – продолжал говорить голос отца, – хочу тебя предупредить о том, что они не так уж безобидны. Среди них имеется человек, убивший меня. И теперь этот же человек попытается избавиться и от тебя.

Сначала Алене показалось, что она ослышалась. Но нет, голос отца продолжал:

– Я не шучу. На мои деньги нашелся какой-то охотник. И если ты слушаешь это послание, значит, он от меня сумел избавиться. Так что, девочка моя, не расслабляйся. Теперь пришел твой черед. Отомсти за своего отца и получи свои деньги. Тебе предстоит нелегкий период. Может быть, он будет тяжелей и опасней, чем все, что тебе довелось пережить до сих пор. Но ведь результат того стоит, верно?

Голос отца на диске давно умолк, а Алена все еще стояла, не в силах поверить в услышанное. Отца убили? Или ей это только послышалось? Алена еще раз прослушала запись и без сил опустилась в тяжелое кожаное кресло. Все верно! Отец русским языком сказал ей, что его убили. Но откуда он мог знать? Ведь диск он записал еще при жизни! Наверное, он догадывался, что его собираются убить. Догадывался, но не сумел ничего предпринять. Он не сумел, а Алена сумеет?

Внезапно девушку охватила самая настоящая паника. Большие деньги, большие неприятности! Лучше бы отец оставил ей тысяч сто или двести. Пусть даже рублей. И она была бы очень этим довольна. Зачем ей безумные миллионы? Она даже не представляет, что с ними делать!

И вдруг ее осенило. Отец это сделал нарочно! Он ни капли не любил ее. И ничего он не жалел свою дочь. И не было заботы в его последнем, казалось, таком шикарном жесте. Это была ловушка. Самая настоящая ловушка, в которую с размаху угодила доверчивая Алена. Отец все просчитал заранее. Он оставил эти деньги Алене, чтобы убийца начал на нее свою охоту! Отец подставил ее! Снова! Еще раз!

Все сочувствие, которое начала испытывать Алена к своему отцу, растворилось в горячей волне злости. Отец просто использовал ее!

Вначале Алене стало смертельно горько. Услышав, что по завещанию ей полагается огромная сумма, она на мгновение вообразила, что отец так поступил из любви к ней, из желания восстановить справедливость и потому, что она была хорошей, а его законные дети – нет. Но теперь Алена понимала: отец поступил так исключительно из эгоизма. Отдать все огромное наследство Алене – это был с его стороны этакий посмертный кукиш его родным и в первую очередь его убийце.

Мол, посмотри, ты меня убил, а чего ты достиг? Денежки все равно достались другому человеку. Вот и попробуй, убей и ее тоже. А я сверху посмотрю, кто кого одолеет. Развлекусь.

От бессильной злости и ярости у Алены даже слезы навернулись на глаза. И вошедший в этот момент в комнату адвокат увидел их и растрогался.

– Бедная девочка! Не плачь! Тебя так растрогало посмертное послание твоего отца?

– Чрезвычайно! – сквозь зубы прошипела Алена, больше всего мечтающая в этот момент, чтобы ее отец остался жив и она смогла бы высказать ему в лицо все то, что думает о нем. – Какой гад! Какой мерзавец! Садюга! Иезуит!

– Ты прослушала всю запись до конца?

– Да!

– Не будет ли с моей стороны бестактностью... Впрочем, что это я! Конечно, будет, но я все равно тебя спрошу. Что передал тебе твой отец?

– Велел мне найти своего убийцу!

Сказав, Алена метнула внимательный взгляд на адвоката. Тот вздрогнул, но не так сильно, как она ожидала. Похоже, факт, что ее отца убили, не был для Каца сюрпризом. Адвоката удивило другое обстоятельство.

– Отец попросил об этой услуге тебя? Не милицию, не частного сыщика, а тебя?

– Так вы знали?! – воскликнула Алена. – Это правда?

– Что твоего отца убили? Да, правда. Знал.

– Но почему мне никто не сказал об этом?!

– Наверное, не успели.

– А вы? Вы почему не сказали?

– Не знаю, – с досадой ответил Кац. – Как-то упустил из виду, что ты совсем не общалась со своим отцом при жизни. И конечно, ничего не можешь знать о том, что он погиб и как он погиб.

Но что-то в лице Каца заставило ее усомниться в его наивности. Не так-то прост этот старый Кац! Наверное, прощупывает, что Алена знает. Вот и думай после этого, что она ему понравилась! А он при этом подозревал Алену в причастности к смерти отца. А вдруг бы доченька взяла да и выдала себя, признавшись, что в курсе, как погиб ее папочка. И тогда неизбежно возник бы вопрос, а откуда она это знает? Ну, и всякие другие сопутствующие.

Тем не менее распрощались они тепло. Адвокат был нужен Алене. Она это прекрасно понимала. А мама и сама жизнь научили ее, что с полезными людьми нужно дружить. Ну а то обстоятельство, что сам адвокат не слишком доверял людям, так на то он и прожил длинную жизнь, чтобы разучиться быть наивным. Распрощавшись с адвокатом, Алена поехала «к себе» домой. Но как же все изменилось! Никакого общественного транспорта, маршруток или (невозможная в прежней жизни роскошь!) такси с шашечками. Теперь у дверей адвокатской конторы ее ждал личный шофер на «Бентли», который и повез девушку в ее новое обиталище.

По дороге Алена лихорадочно размышляла. Что же ей делать дальше? Положа руку на сердце, выбор был не так уж велик. Даже совсем мал. Либо стать богачкой и рискнуть своей молодой жизнью, либо уйти обратно в тихое прежнее существование и остаться живой, но... нищей.

– Либо пан, либо пропал, – прошептала Алена. – Ну, папочка. Ну, спасибо. Удружил!

Адвокат собирался дать ей в помощь нескольких судебных приставов, которые должны были проследить за тем, чтобы родственники Алены не чинили ей препятствий. Но затем адвокат передумал.

– Приставы с тобой не поедут, – так и заявил он Алене. – Ты поедешь одна.

– Как? Почему?

– В связи с тем, что твой отец принял решение поручить именно тебе найти своего убийцу, думаю, присутствие приставов может осложнить твою задачу.

Получалось, что вступать в права наследства Алене предстояло одной. Сейчас ее компания заключалась в шофере. Звали его Игнат. И он был крепким парнем с простым открытым лицом. Пока они ехали, Алена изучала дорожную обивку сидений, наслаждалась мягким ходом машины и музыкой, которая струилась из встроенных в палисандровые панели динамиков.

Девушка чувствовала, что и шофер ее изучает, то и дело поглядывая на нее в зеркало заднего вида.

– Следи за дорогой! – неожиданно для самой себя резко бросила Алена. – Врежемся!

Она сказала и удивилась самой себе. Что это с ней? Она никогда прежде не говорила с людьми в таком тоне. Однако шофер послушно перестал на нее пялиться. И даже буркнул:

– Извините!

Он доставил ее к небольшому элитному жилому комплексу на берегу Невы и, высаживая Алену, еще раз попытался извиниться:

– Я не хотел вас сердить. Но вы же наша новая хозяйка, вот я и подумал...

– Никакая я не хозяйка! – оборвала его Алена и уже спокойней прибавила: – Я еще ничего не решила.

– Ну, ну, – пробормотал мужик и, как показалось Алене, ей не поверил.

И вот она оказалась «у себя» дома. Все тут было чужое. Алене тут совсем не понравилось. Комнаты в стиле хай-тек, которого Алена решительно не понимала. Как тут холодно и неудобно! Вместо кружевных занавесок на окнах какие-то плоские белые полотнища. Под потолком сверкают холодным светом крохотные лампочки. Строгие прямые линии. Почти нет округлых форм. Жестко. Бело. И пусто.

Квартира была большой. Сама Алена тут бы заблудилась. Но ей помогла домработница и повариха – толстая тетка по имени Раиса Михайловна.

– А с моим сыном вы уже познакомились.

И, наткнувшись на недоумевающий взгляд Алены, поспешно пояснила:

– Игнат. Он вез вас сюда!

– Ах, вот как. Это был ваш сын!

Про себя Алена удивилась. Не стала бы она нанимать мать и сына. Ведь ясно же, что они станут воровать все, что плохо лежит. Им даже в сговор на этот счет вступать не надо. И покроют друг друга, что бы ни случилось.

– Значит, это ваш сын, – пробормотала Алена. – Хм, хм. А другие ваши родственники у меня тоже служат?

– А как же! Симочка!

– Кто это?

– Горничная ваша.

И, заметив ищущий взгляд Алены, торопливо добавила:

– Да не тут она. Чего ей тут делать? Мне и одной работы едва нашлось. Так, ерунда всякая. Пыль протереть. Посуду покрасивей расставить. Сергей Юльевич в этой квартире и не жил совсем.

– А где же он жил?

– В «Дубочках».

– Где?

– Дом вашего батюшки так называется. В Сестрорецке. Симочка там и живет. И муж ее – Гена – тоже там. Садовником, плотником и вообще... Он у нас мастер на все руки. Вы сами увидите!

Конечно, пока рано было еще делать выводы. Но вся эта семейственность Алене сильно не понравилась. Ясно, вся эта дружная семейка станет обкрадывать ее, активно и азартно покрывая друг друга. Это и ежу понятно!

Итак, в квартире Алене совершенно не понравилось. И она поспешила выйти из нее. Оказавшись на балконе, девушка замерла. Цветы она любила всегда. А тут такое огромное пространство, собственный садик.

Господи! Чем она недовольна? Какая разница, как обставлена квартира? Главное, что она у нее есть. Не об этом ли она мечтала всю свою сознательную жизнь?! Собственная квартира. И какая огромная! Какой вид из окон! Какой простор вокруг! А что дизайн дурацкий, так это можно поменять в два счета. Как говорится, были бы деньги. А они, судя по словам адвоката Каца, у нее есть в избытке.

И вот тут, стоя на застекленной террасе в зимнем саду и глядя сверху на город, Алена приняла судьбоносное решение. Она не уйдет из этой новой жизни. Не откажется от своего шанса. Она останется и попытается разобраться в том, что произошло. И она найдет убийцу своего отца. И не позволит ему уничтожить и ее следом за ним.

– Решено! Я остаюсь!

И тут же за ее спиной раздался чей-то голос:

– Вы что-то сказали?

Алена резко обернулась и увидела молоденькую девушку, почти свою ровесницу. Кажется, она видела ее в адвокатской конторе. Девушка была в числе других претендентов на деньги ее отца, теперь на ее, Аленины, деньги.

– Я – Сима, – подтвердила девушка догадку Алены.

– А ваша... твоя мама сказала, что ты в «Дубочках».

– Я пришла сюда специально.

– Специально?

– Да, хочу сказать вам, чтобы вы уходили.

– Что?! Куда?!

– Куда угодно! Возвращайтесь к своей прежней жизни! Поверьте, в какой бы бедности вы со своей мамой ни жили, это все равно лучше, чем тесный гроб.

– Ты мне угрожаешь?

– Что вы! – испугалась Сима. – Ни в коем случае! Это не я! Не я!

– А кто?

– Вы уже знаете, что вашего... что Сергея Юльевича убили?

– Да.

– А вы знаете, как это произошло?

– Ну... В общих чертах.

Адвокат действительно не просветил Алену на этот счет, сказав, что она все узнает от следователя.

– Расскажи мне!

– Его убили в «Дубочках»! Отравили! Отравили крысиным ядом. И милиция думает, что это сделали свои!

– Свои?

– Ну да! Кто-то из родственников! Или... Или даже мы – прислуга! Только это все чушь! Мы все: и я, и Игнат, и моя мама, и Гена, мой муж, – мы все Сергея Юльевича любили.

– Любили? Прямо уж так и любили?

– По крайней мере уважали. Он был хорошим хозяином. Никогда не обижал с деньгами. Не заставлял перерабатывать. И унижать нас, как другие, тоже не унижал.

– Другие? Кто другие? Его дети? Жена?

– Да. Вот та мегера, какой поискать! Лично я очень рада, что она теперь уберется из «Дубочков». Только и слышишь: Симка то, Симка се! А если что не по ней, то и выбранит, и ударить может!

– И ты терпела?!

– А что поделаешь? – философски заметила девушка. – Куда идти? Опять же деньги хорошие. Вот и терпела. Только я ведь этот разговор не к тому завела. Уходить вам надо, вот что.

– Но почему?

– Отца вашего из-за его денег убили. А теперь вы им хозяйка. Ну? И какой вывод?

Вывод напрашивался, надо сказать, очевидный. Но он был такой неприятный, что Алена предпочла о нем не думать.

– Это мы еще посмотрим, кто кого! Я еще им всем покажу! – решительно произнесла она, попутно подумав, что для начала было бы неплохо узнать, кто же этот неведомый убийца!

– Вижу, вы все уже для себя решили, – печально вздохнула Сима. – Ну что же. Дело ваше. А только я вас предупредила. И моя совесть чиста.

И Сима хотела потихоньку шмыгнуть прочь, но Алена ее задержала за руку.

– Сначала расскажи, как погиб мой отец.

– Отравился он.

– Как?

– У себя в постели отравился. Лег с вечера спать, все в порядке было. А утром я пришла его будить, а двери закрыты и тихо. Ну, взломали, а он... того... синий уже весь.

– И как убийца проник в спальню, если двери были закрыты? Через окно?

– Нет. Окно тоже было закрыто.

– Тогда как же?

– Следовательно обронил фразу, что вроде бы яд находился в травяном чае, который ваш отец пил каждый вечер перед сном.

– Яд?! Так все-таки это был яд? Моего отца отравили?

– Да. Этим чаем. Он и всех нас заставлял его пить. Дескать, полезно для укрепления организма.

– Все пили, а отравился он один?

– Менты сразу же за Катерину взялись – это повариха в «Дубочках». Она и чай для всех нас готовила.

– Тоже ваша родственница? – заинтересовалась Алена, чтобы прояснить ситуацию.

– Мама – ее крестная.

Алена даже не удивилась. Крестная так крестная. Хотя только крестных ей еще не хватало!

– И что она, эта Катерина? Приготовила чай и отравила моего отца?

– Не клала Катерина хозяину яд! Она его любила. Больше других!

– Вот как?

– Ну да! Мария Леопольдовна такая дрянь! Они с Сергеем Юльевичем жили словно кошка с собакой. А Катерину хозяин действительно любил!

Только тут до Алены дошел смысл, который вкладывала Сима в глагол «любить».

– Они что, были любовниками? Твоя Катерина и мой отец?

Сима вспыхнула.

– Не говорите так о них! Он ее любил. И она его! Катерине не было нужды убивать Сергея Юльевича. И если хотите знать мое мнение, если уж кто и стал бы травить Сергея Юльевича,

так это его законная жена. Только не Катерина. Потому что после его смерти она потеряла больше, чем приобрела! Хозяин ее баловал. А сейчас что?

Что же, все верно. Подарков с покойника больше не получишь. Так что вроде бы мотивы у поварахи начисто отсутствовали. Но что-то не позволяло Алене расслабиться. Во взаимоотношениях мужчины и женщины все не так просто! И особенно не просто, когда мужчина женат. А учитывая, что муж, жена и любовница мужа проживали под одной крышей и любовница вроде как находилась в подчинении у жены, то это могло создать такой могучий взрывной коктейль, что только держись!

Но вслух Алена ничего не сказала.

– Ладно, посмотрим, – только и произнесла она. – Ты еще хочешь мне что-нибудь сказать?

– Опасайтесь их!

– Кого?

– Родственников своих! Они Сергея Юльевича со свету сжили. Теперь и за вас примутся. Поэтому и в «Дубочки» я вам ехать не советую. Но вы же упрямая, вся в своего отца.

И, сделав это замечание, Сима быстро шмыгнула прочь из зимнего сада. Она-то ушла, хорошо ей, а вот Алена осталась наедине со своими мрачными мыслями. Что же ей делать? Отказаться? Но вроде как она уже решила. И вообще, гораздо проще было уйти, когда она не увидела еще воочию предлагаемого ей богатства. А как уйдешь теперь? От «Бентли»? От личного шофера! От роскошной городской квартиры с видом на Неву и Смольный! От загородного дома, который она, кстати говоря, еще даже и не видела!

Хоть бы с кем-нибудь посоветоваться. И стоило ей так подумать, как зазвонил ее телефон. Алена глянула на «окошко» и улыбнулась. Алешка! Вот кто ей сейчас даст хороший совет и вообще подбодрит ее.

– Привет, – раздался знакомый голос любимого мужчины. – Чего звонила вчера весь вечер? Знаешь ведь, когда я с семьей, трубку взять не могу.

Роман Алены с Алексеем длился уже много лет. Отношения у них сложились стабильные. Настолько, что иной раз Алена ловила себя на мысли, что фактически является второй супругой Алеши. Так сказать, его дневной супругой. Потому что работали они рядом. Вечера проводили тоже вместе. И лишь после девяти Алексей ехал к себе домой, а Алена к себе.

– Алешка, у меня новости!

– Ну? Ты лучше скажи, чего сегодня на работу не вышла? Заболела, что ли?

Алена машинально глянула на часы. Почти час дня. Поздненько спохватился ее любимый. За целое утро про Алenu и не вспомнил. Лишь когда пришел в кафе обедать, понял, что с Аленой что-то случилось. Нехорошее чувство, похожее на обиду, шевельнулось в душе у Аленьки. Ведь она действительно несколько раз звонила ему вчера вечером. Мог еще утром перезвонить. А вдруг бы она действительно заболела, попала в больницу, сломала ногу?

– Апельсинок тебе привезти? – донесся до нее голос Алексея.

– Зачем? Куда?

– Ну... домой. Мамаша твоя до которого часа сегодня на работе задержится? Если ты ее уговоришь помыться или на рынок смотаться, так я к тебе успею после работы заскочить. Ну... Сама понимаешь.

Алена понимала. Любимому хотелось секса. Он думал, что она приболела и поэтому осталась дома. И решил приехать и утешить ее. Раньше это предложение растрогало бы Алenu, но сейчас она внезапно обозлилась. Мама помыться или на рынок смотается. Мог бы и помочь, хоть раз отвезти маму на этот самый рынок!

Рассказывать Алексею про полученное наследство вдруг совершенно расхотелось.

– Я тебе перезвоню, – произнесла она и отключила телефон.

Теперь она звонила маме. Конечно, а кому же еще? Самый родной и доверенный человек.

– Представляю, что скажет моя мама, – вздохнула Алена, набирая номер мамы.

Реакция Ирины Руслановны была вполне предсказуемая. Она пришла в ужас от затей дочери.

– Плевать на эти деньги! Беги оттуда!

– Но, мама, ты же сама всегда говорила...

– Забудь! Жизнь дороже!

– Мама, я уже все решила.

– Ты не можешь так со мной поступить! Если эти люди убьют тебя, то что станет со мной?

Ты подумала?

Конечно! Алена подумала.

– Все будет в порядке. Кто предупрежден, тот вооружен. Папа доверял этим людям. А я нет. Им будет трудней подпихнуть мне отравленный кусок или дать выпить глоток воды.

Ирина Руслановна внезапно затихла.

– Я так понимаю, ты уже не отступишься!

– Да, мама, – твердо произнесла Алена. – Я остаюсь!

– И я не могу быть с тобой?

– Это выглядело бы странно. Я собираюсь поселиться в доме отца. И его жена тоже будет жить там.

– Тогда жди от меня весточки и ничему не удивляйся.

И, произнеся эту загадочную фразу, Ирина Руслановна повесила трубку. Алена пожала плечами. Что там еще задумала ее мама? Примчится к адвокату и заявит, что ее дочь не может принять наследство отца, потому что на самом деле мама Сергея Юльевича обманула и дочь ее совсем от другого человека? Устроит сидячую забастовку перед «Дубочками»? Начнет планомерно уничтожать годных на роль убийцы претендентов? Мадам Кротову? Потом ее двух сыновей и дочь. А закончит отстрелом прислуги? Алена была уверена, что ради счастья дочери ее мама способна и не на такое.

Но долго ломать над этим голову Алена не могла. Впереди ее ждало сказочное богатство. И сейчас ей не терпелось сделать ревизию. А со своей мамой она поговорит потом. Она сумеет ей все правильно объяснить. Мама ее лучший друг. Она всегда понимала дочь. Поймет и на этот раз.

Глава 4

Мариша как раз входила в лифт, нагруженная пятью или шестью объемными пакетами и была озабочена лишь тем, чтобы ничего не помять и не разбить. В одном из пакетов находилась восхитительная фарфоровая статуэтка – продавщица цветов в легкой кружевной юбочке и с корзиной прелестных фиалок. Мариша облизывалась на эту статуэтку давно. Статуэтка была чудо как хороша. Но боже мой, как же дорого она стоила!

Мариша крепилась очень долго. Можно сказать, нереально долго. Месяца полтора. Но постепенно искушение стало настолько сильным, что пересилило ее желание быть благоразумной, перестать транжирить и не выбрасывать деньги на ветер. Но что прикажете делать, если статуэтка стала сниться ей по ночам? Терпеть это безобразие и дальше или сдаться на милость победителя?

Итог борьбы был очевиден. В нарядном бумажном пакете из магазина лежала та самая хорошенькая цветочница. Теперь скорее бы донести красотку до дома и поставить в ряд к другим фарфоровым фигуркам. Скорей! Тогда можно будет насладиться эффектом и хоть ненадолго почувствовать себя счастливой.

Мариша увлеклась коллекционированием фарфора сравнительно недавно. Но страсть эта захватила ее целиком. Скрутила, как опасная лихорадка. И если прежде Мариша скупала брючки, блузки, кофточки, платья или сарафаны, то теперь она покупала фарфор и чувствовала себя почти счастливой.

Почти, потому что ее дорогой и любимый муж Смайл снова отсутствовал. Мариша его не винила. Знала ведь, на что шла, выходя замуж за летчика, бродягу и непоседу. Хотя надо сказать, что, женившись, Смайл во многом пошел навстречу жене. И вел теперь, по его собственным меркам, совершенно оседлый образ жизни. Но все равно раз в месяц он обязательно отлучался на несколько дней, а то и на недельку, доставляя грузы то в Арктику, то в пески Сахары, а то и в Гималаи.

А вчера улетел с важным гуманитарным грузом в Афганистан, где до сих пор с переменным успехом велись боевые действия между враждующими группировками, а мирное население, в том числе дети и старики, питалось непонятно чем, разве что сухими камнями, потому что ничего больше на выжженной солнцем и огнем почве не росло. Ну и пробавлялись тем, что им привозили различные благотворительные организации. Много те не привозили, потому что хорошо питающиеся дети быстро росли и сами становились под ружье.

Мариша без мужа скучала и занялась коллекционированием фарфоровых безделушек. Она без устали носилась по магазинам города, выискивая новинки. А потом с чувством, которое понятно только истинным маньякам, тащила новое приобретение к себе в дом и с восторгом устанавливала среди других шедевров.

Маленькая цветочница, без всякого сомнения, должна была на некоторое время стать жемчужиной ее коллекции. И вот сейчас Мариша с трепетом предвкушала, как поставит изящную вещицу между фарфоровым трубочистом-девочкой и хорошенькой композицией из трех малышей, занятых вязанием.

– Прелесть! – шептала Мариша статуэтке почти влюбленно. – Ты моя прелесть! Я тебя обожаю.

Лифт довез ее до нужного этажа. Двери открылись. И тут случилось нечто ужасное! Мариша даже не поняла, что произошло. Но это был крах! Внезапно на нее налетело нечто огромное, громогласное и прижало к своему туловищу толстыми ручищами. Раздался хруст и сухой треск. Ах, если бы это были Маришины ребра! Она отдала бы все на свете, чтобы это были именно они, а не хрупкая девочка-цветочница.

Но это была именно она. Бедная маленькая фигурка из фарфора не выдержала соприкосновения с грубой реальностью в лице соседки Мариши – Клавдии Матвеевны!

– Клавдия Матвеевна! – ахнула Мариша, когда ощутила в своих руках уже не фигурку, а нечто хрустящее, сыпучее и осколочное. – Что же вы наделали!

– Маришенька! Где же ты была?! Я тебя с часу дня подкарауливаю!

Сейчас часы показывали пять вечера. И Мариша с досадой подумала: соседке терпения не занимать. Лучше бы делом каким занялась, чем ее караулить! И чего этой старой калоше нужно?

– У меня к тебе дело! Очень важное и конфиденциальное. Ты же помнишь мою племянницу Аленушку?

Мариша смутно припомнила, что где-то месяц назад в самом деле видела Клавдию Матвеевну, возле которой стояло маленькое тихое существо с огромными карими глазами, которое было представлено ей как Аленушка. Если все дело в этой девице, то лучше бы их и не знакомили вовсе!

Но вслух Мариша выдавила сквозь зубы:

– Помню.

– Она попала в беду! И ты должна ей помочь! Мы все на тебя надеемся!

– Мы? Я? Должна? Кому я должна?

Задавая эти вопросы, Мариша ощупывала свой сверток. Может быть, ей показалось? Может быть, все не так ужасно? Ну, подумаешь, откололась там ручка или ножка. Можно подклеить. Конечно, на жемчужину цветочница после домашней реставрации не потянет, но хоть в задние ряды ее можно будет поставить. Чтобы не видны были склеенные швы и раны.

Увы, надеждам Мариши не суждено было оправдаться. Статуэтка превратилась в грудку осколков. Клеить тут было нечего.

– Господи, Клавдия Матвеевна! Что же у вас такое ужасное случилось?

– Алену нашел ее отец и оставил девочке огромное наследство! Тридцать миллионов долларов!

Вначале Мариша решила, что соседка просто свихнулась. Тридцать миллионов долларов! Надо же такое придумать. Ни Клавдия Матвеевна, ни ее Аленушка не производили впечатления богачек. Ах да! Там же нарисовался папаша. Ну и в чем тут несчастье? Наоборот, радоваться надо, что оставил деньги Алене, а не кому-нибудь еще.

– Нечему радоваться. Убить ее хотят.

– За что?

– За деньги эти огромные!

– Кто?

– Другие наследники!

Мариша уже ничего не понимала. И поэтому задала вполне резонный вопрос:

– А при чем тут я?

– Маришенька! На вас одну вся надежда!

– На меня?

– На вас, на вас! Вы же сейчас вроде бы свободная женщина? Муж-то ваш улетел. Верно?

Оставалось только позавидовать осведомленности соседки. Но все равно Мариша не видела связи между отсутствием Смайла и наследством, которое получила племянница Клавдии Матвеевны.

– Очень даже просто! Вы должны поехать к Алене и оберегать нашу девочку, пока все не прояснится!

– Что прояснится?

– Ну, пока не будет пойман убийца!

– Какой убийца?

– Который спровадил Аленушкиного отца на тот свет.

Час от часу не легче! Еще и отец умер не своей смертью!

– Спроводили его на тот свет! – вдохновенно продолжала свое захватывающее повествование Клавдия Матвеевна. – Убийца спровадил! А теперь он охотится и за Аленушкой.

Мариша в этот момент снова заглянула в пакет с осколками статуэтки, и у нее вырвался болезненный стон:

– Ох!

Клавдия Матвеевна моментально приняла это на свой счет и страшно обрадовалась:

– Видите, Маришечка! Вы сами видите, без вас нам не обойтись!

– Без меня? А при чем тут я?

– Ну как же! Ведь вы же детектив! Весь дом только и делает, что судачит о ваших подвигах и расследованиях!

Это стало для Мариши своего рода откровением. То есть она, конечно, не то чтобы совсем не знала, что за ее спиной соседки о ней сплетничают, но не думала, что весть о ее подвигах дошла и до родного дома. Впрочем, чего это она? Слухами, как известно, земля полнится. Неудивительно, что и Клавдия Матвеевна пронила. С ее-то жаждой общественной деятельности, выносливостью и хорошим слухом.

И что делать? Если Мариша откажется, то обретет в лице соседки кровного врага. А Клавдия Матвеевна была из тех людей, кто умел мстить долго и виртуозно. Если Мариша сейчас повернется и уйдет, то ее жизнь и жизнь ее мужа в этом доме превратится в ад. Так не ее ли долг защитить родное гнездо?

Ах, если бы ничего не было! Тогда Маришина любимая цветочница осталась бы цела и невредима. А сама Мариша, как она чувствовала, не оказалась бы на пороге очередного приключения.

Алена потихоньку обживала отцовский дом под Сестрорецком. Свое название «Дубочки» дом получил за аллею из молодых деревьев, которая шла от ворот к парадному входу. Вообще дом был выстроен в классическом стиле, с белыми колоннами у входа, широким каменным крыльцом и прочими атрибутами богатого поместья начала девятнадцатого века.

Оба этажа особняка были оштукатурены и покрыты светло-желтой краской. Сама Алена предпочла бы что-то более современное. Или английское. Изъеденный временем кирпич, выходящие растения, запущенный английский сад с узкими извилистыми дорожками, нарочито непричесанный и одновременно ухоженный.

Но ничего этого тут не было. Дом строился с учетом вкусов мадам Кротовой, а она во всем любила определенность и дисциплину. Поэтому деревья в ее саду были посажены в ряды, клумбы разбиты в строгой симметрии. И были они либо безупречно круглыми, либо квадратными, либо ромбообразными. Никакой вольницы тут не разрешалось.

Газон был тоже безупречен. Комнаты сверкали чистотой и скукой. Какие-то портреты и пейзажи на стенах, оклеенных светлыми обоями без рисунка в шашечку. Все было до ужаса похоже на музей.

– Как тут живут люди? – поразила Алена. – Тоска-то какая!

Впрочем, пока ее встретила только челядь. С шофером и горничной Алена уже познакомилась. Раиса Михайловна, как выяснилось, была вовсе не домработницей, а кем-то больше. Фактически это она вела дом. Экономка усадьбы. Садовника и повариху Алена еще не видела. Но из этих двоих ее больше интересовала Катерина – повариха и по совместительству любовница ее отца.

Но тут же Алена вспомнила слова Симы о том, что повариха арестована по подозрению в убийстве. И поняла, что искать женщину в доме бессмысленно. Гена – садовник и муж Симы – оказался коренастым парнем с густым русым чубом, образец самой что ни на есть простец-

кой деревенской породы. Изъяснялся несколько косноязычно. И казался более грубой копией Игната – брата Симы. Создавалось впечатление, что Сима искала в мужа кого-то похожего на своего брата. И нашла Гену.

Самой Алене такие типы не нравились. Но она не отдавала отчет, что у него в самом деле могли быть золотые руки. И вообще в собственном доме неплохо иметь такого вот коренастого крепыша. Он и за садовника, и за плотника, и за охранника. Одним словом, нужный человек.

Еще был пес Апаш. Благородных кровей бурбуль. И числился он в доме сторожем, а проживал в будке во дворе. Ростом он был со взрослого теленка. А по уму и игривости недалеко ушел от подростка. Любой человек вызывал у пса одно лишь желание – поиграть и подурачиться. Сторож из него был никакой. В этом Алена убедилась сама, когда пес выскочил поприветствовать ее. Он крутился возле ее ног с таким идиотски счастливым видом, словно они были знакомы сто лет и по меньшей мере десять из них провели в разлуке.

После знакомства с людьми, с которыми ей в ближайшее время придется проживать под одной крышей, Алена ощутила смутное беспокойство. Все они были связаны между собой родственными узами той или иной степени крепости. Любили ли они друг друга или у них были прохладные отношения, Алена не знала. Ей было достаточно того, что прислуга происходила из одного крепко спаянного родственного клана. А она, Алена, оказалась из другого. И в одиночестве ей, откровенно говоря, тут было не очень уютно.

– Неужели мой отец не понимал, что это странно, когда все слуги между собой родня? Это ведь не известно, до чего они могут договориться. – А так Алена не сомневалась: они были хорошие работники. Дом, сад и кухня содержались в безукоризненном порядке.

Слоняясь без дела по дому, Алена поймала себя на мысли, что ей тут жутковато. В этом месте некто неизвестный убил ее отца. Отравил. Но ведь чужой в дом проникнуть незамеченным не мог. Значит, это сумел сделать кто-то из домочадцев.

Темнело. И внезапно Алене показалось, что со всех сторон на нее смотрят злые глаза. Девушке стало страшно. И, пискнув, словно полевая мышка, она прошмыгнула в свою комнату, закрылась изнутри, придвинула к двери шкаф и только после этого позволила себе отдышаться. Обвела испуганным взглядом комнату. Откуда еще может проникнуть сюда убийца? Ну конечно! Окно!

Метнувшись к окну, Алена убедилась, что оно крепко закрыто изнутри. Но все равно, как жаль, что на нем нет решеток! Заказать, что ли, завтра? Но это уже пахнет паранойей. И вообще, не будет же она сутки напролет сидеть за решеткой, словно арестант какой-то. И ей нужно есть, пить и, простите за вульгарность, отправлять естественные потребности. А значит, ей придется выходить из своей комнаты. И что? Каждый раз трястись от страха, что где-то там за углом ее подстерегает убийца?

– Отказаться, что ли, от денег? – тоскливо пробормотала Алена. – Взять пару вещей на память и слинять. Думаю, я имею на это моральное право. Только что взять? Картины? Интересно, они ценные?

От раздумий ее отвлек телефонный звонок. Звонил Алешка.

– Так я не понял? – произнес он слегка недовольным тоном. – Мне приезжать к тебе или нет?

Только сейчас Алена спохватилась, что обещала перезвонить любимому, да так и не собралась. Как кстати, что Алешка сам про нее вспомнил.

– Приезжай! – вырвалось у нее. – Ты мне нужен!

– Еду!

– Только я не дома.

– А где?

– Тут... За городом...

– За городом? – разочарованно протянул Алексей. – Так ты что, не болеешь, что ли?

– Нет. Я здорова.

– А чего врала тогда?

– Я и не врала. Алешка, приезжай! Это недалеко. Доедешь до Сестрорецка, от развилки свернешь направо, а потом...

– Что происходит? – уже откровенно недовольно перебил ее любовник. – Ты где?

– Я тебе все объясню. Алешка, ты мне очень нужен.

– Где? В Сестрорецке в этом? Ты с ума сошла? Как я оттуда потом выберусь?

– У тебя же машина.

– Ага. А на выезде из города всегда пробки. Сейчас уже семь вечера. Я не успею вернуться домой.

Алена едва подавила в себе желание сказать: «И не возвращайся!» Но она знала, что ответит ей на это Алешка. Его семья – это нерушимый бастион. Дети нуждаются в нем. А жена без него просто пропадет. Так что он не может обмануть их. И с девяти часов вечера в будний день, а также все выходные – он принадлежит только им.

– Хорошо, тогда не приезжай, – грустно произнесла Алена.

– Ну, ясное дело. Ладно, пока! Завтра увидимся!

И Алексей бросил трубку, даже не уточнив, что же все-таки происходит у Алены. Словно его это и не интересовало вовсе. Словно Алена была посторонним человеком. Выходило, что у нее своя жизнь. А у Алешки своя. И соприкасаются они все реже и реже. Может быть, у настоящих супругов тоже так. Но Алене было все равно грустно.

Размышляя о своей личной жизни, Алена спохватилась, что все еще стоит у окна. Внезапно ей пришла в голову мысль, что так она являет изумительную мишень для снайпера. Просто удивительно, как это ее до сих пор не застрелили! Отпрыгнув от окна, Алена краем глаза заметила, что к дверям их дома подъехала ярко-красная машина. Кто там еще? Кто-то из родственников? Приехали за вещами?

Алена еще не решила, как ей себя вести с бывшей хозяйкой – мадам Кротовой, а также с ее детьми. С одной стороны, теперь они ее родня. И они жили в этом доме. До сегодняшнего дня жили. Тут до сих пор лежат их вещи. И вряд ли разумно в первый же день выгонять этих людей на улицу. Но додумать Алена не успела.

– Алена Сергеевна! – услышала она голос Симы. – К вам приехали!

Кто бы это мог быть? Мама? Ну да, больше некому! Господи, как хорошо! Теперь она будет не одна! И Алена помчалась вниз.

Однако внизу ее ждала совершенно незнакомая молодая женщина. Впрочем, отчего-то ее славное круглое лицо показалось Алене знакомым. И эта густая копна натуральных светлых волос. Не крашенных, а именно натуральных. Волосы спадали на плечи пышной гривой. И придавали и без того рослой женщине поистине царственный вид. Забыть такую красоту было невозможно. Бесспорно, они с Аленой где-то виделись. Но вот где?

Между тем незнакомка повела себя более чем странно.

– Аленка! – кинулась она к ней с распростертыми объятиями. – Как я рада тебя видеть! Представляешь, встретила сегодня твою тетю, она и объяснила, как тебя найти.

– Тетя?..

– Ну да! – жизнерадостно подтвердила эта особа, оглядываясь по сторонам. – Твоя тетя – тетя Клава.

– Ах тетя Клава!

Внезапно Алена вспомнила, где видела эту женщину. Это же соседка тети Клавы. Кажется, Мариша! Что-то такое шевельнулось в мозгу у Алены, когда она пыталась понять, что делает эта женщина в ее новом доме. И зачем тетя Клава прислала ее сюда.

– Ты мне рада? – между тем допытывалась у нее незваная гостья. – Вижу, что рада. И это очень хорошо, потому что я намереваюсь пожить тут у тебя.

– Пожить? Но...

– Вижу, ты просто счастлива!

На аферистку эта женщина похожа не была. К тому же выглядела она достаточно обеспеченной и благополучной. Алена вспомнила, что тетка рассказывала, будто бы ее муж – летчик, редко бывает дома, но жену свою любит, и она его тоже любит. Так что ей понадобилось тут?

– Поживу у тебя денек или даже несколько днейков, – говорила между тем Мариша. – Осмотрюсь. Глядишь, и выясню, стоит тебе тут находиться или послать твоего покойного папашу вместе с его деньгами куда подальше.

Вот оно что! Тетка Клава прислала ей подмогу! Теперь Алена вспоминала, что ей рассказывала тетка про эту особу. Будто бы она великая сыщица. Будто бы у нее раскрытых дел больше, чем у всего уголовного розыска нашего города. Ясное дело, тетка, по обыкновению, преувеличивала. Но зерно истины в ее рассказах, безусловно, было.

– Вы ведь Мариша? – неуверенно спросила Алена. – И вы...

– Зови меня на «ты»! И знай, твоя мама наядбедничала на твое поведение твоей тетке. А она бросилась за помощью ко мне и погубила мою маленькую цветочницу.

– Маленькую... кого?

– Да не важно, – махнула рукой Мариша. – Это все ерунда. Если я смогу быть тебе полезной, то буду очень рада.

Алена думала недолго. То, что у нее в этом ужасном огромном доме будет соратник и единомышленник, не просто радовало. Это приводило ее в настоящий восторг. А что будет, когда явятся ее родственнички? А в том, что они рано или поздно, но обязательно явятся, Алена не сомневалась. А вот в том, что они тихо соберут свои манатки и мирно слиняжут отсюда, она очень сомневалась.

Ей предстоят бои. И прекрасно, если она выступит не жалким одиночкой, а человеком, чьи тылы надежно прикрыты.

– Покажи мне мою комнату, – распорядилась Мариша почтительно внимающей ей Симе.

Кажется, Мариша произвела на девушку сильное впечатление. Во всяком случае, она кинулась выполнять ее приказ со всех ног. Пока Сима искала свободную комнату и вместе с Раисой Михайловной готовила ее для неожиданной гостьи, Мариша расположилась внизу и самостоятельно зажгла камин. В просторной прохладной гостиной с пятью окнами сразу же стало теплей и уютней.

– Вот так, – удовлетворенно вздохнула Мариша. – Что нужно человеку для счастья? Свет, тепло и еда. И жизнь сразу же становится веселей. Кстати, в котором часу нам подадут ужин?

Алена лишь пожала плечами. Лично у нее не было аппетита. Зато при слове «ужин» в гостиной появился еще один действующий персонаж. Стоило Марише произнести это волшебное слово, как дверь тихонько зашкрипела, и в комнату проникло нечто огромное, со слюнявой мордой и на длинных мощных лапах.

– Ой, мамочка моя! – взвизгнула Алена. – Какой он все-таки монстр!

– Это не монстр. Это – бурбуль, если я не ошибаюсь. А ну, малыш, как тебя там? Иди сюда!

– Апаш, – сказала Алена. – Его зовут Апаш.

Поняв, что обращаются к нему и его присутствие обнаружено, пес смущенно потупился и попытался ретироваться.

– Иди сюда! Тебе что, нельзя входить в дом? В этом все дело?

Судя по грязным следам, которые пес оставлял за собой на полу, обычно он проводил время на улице. Но сегодня все словно сошли с ума. Миска оставалась пустой с самого утра. Обед тоже не принесли. Напрасно пес совался к садовнику, с которым дружил больше остальных. Тот ничего не понимал и лишь отмахивался от пса. Так что к ужину бедняжка оголодал

настолько, что решился нарушить строгий запрет хозяйки, сунуться в жилой дом и попытаться разыскать что-нибудь съедобное.

– Иди сюда! – манила его Мариша. – Что у меня есть вкусненькое?

И она достала из сумки несколько сушек. Пес оживился. И гавкнул. Эхо от его лая раскатилось под потолком. А пес, проглотив две сушки, завилял хвостом и окончательно отнес Маришу к числу своих лучших друзей.

– Дай ему тоже, – протянула Мариша одну сушку Алене.

– Зачем?

– В твоём случае нужно обзаводиться друзьями. Пусть даже это всего лишь доверчивый пес.

Алена с трепетом протянула сушку на раскрытой ладони. Но, к ее изумлению, пес взял угощение хотя и жадно, но очень осторожно, всего лишь оставив небольшой липкий след на руке. После этого воцарилось молчание. Пес вопросительно смотрел на подруг, явно пытаясь сказать им, что четыре сушки – это, конечно, прекрасно, но при его размерах хотелось бы чего-нибудь более существенного.

– Пошли! – скомандовала ему Мариша и сама поднялась из кресла. – Попробуем раздобыть тебе вкусненького.

Пес с восторгом согласился. И преданно затрусил за ней следом. На кухне никого не оказалось. Зато на плите кипела кастрюля с пельменями.

– Понятно, – проворчала Мариша. – Поварихи нету. А Сима и эта твоя Раиса Михайловна слишком важные персоны, чтобы заняться стряпней. Что же, будем лопать пельмени. Ничего, не впервой.

Поискав собачьего корма, Мариша не нашла ничего похожего. И, недолго думая, вывалила все пельмени в дуршлаг, остудила их под струей холодной воды, а потом пересыпала их собаке в нарядный хрустальный салатник (другой тары просто не нашлось). Сверху она шмякнула внушительный кусок масла и придвинула миску бурбулю. Вначале тот замер. Видно, не привык лопать из такой роскошной лоханки. Но уже через секунду голод пересилил церемонии, и пес набросился на еду.

– Он голодненький, бедняжка, – пробормотала Алена и погладила пса по мощному загривку.

Тот в ответ лишь завилял хвостом, демонстрируя потрясающе мирный нрав. Редкая собака станет радоваться, когда приближаются к ее миске. А этот пес с внешностью прирожденного убийцы был безобидней новорожденного щенка.

Мариша тем временем поставила на плиту новую порцию пельменей. Благо в недрах холодильника их обнаружили целые залежи. Пока она возилась с пельменями, пес уже покончил с угощением, облизнул лоснившуюся морду и заметно повеселел. Мариша сунула грязную салатницу в посудомойку, ликвидировав таким образом все следы недавнего собачьего пиршества.

Очень вовремя. Потому что как раз в этот момент у ворот дома раздался требовательный гудок. А следом за ним еще и еще один.

– Слышала? – насторожилась Мариша. – Кажется, пожаловали твои родственники.

– Ой!

Алена похолодела. Но Мариша выглядела бодрой и даже веселой.

– Ну, теперь только держись! – энергично кивнула она Алене. – Они попытаются тебя сорвать. Но ты встань от них на расстоянии. И предоставь переговоры мне!

Глава 5

Родственники вошли в дом настороженной толпой. Тут были все. Мадам Кротова, двое ее сыновей, дочь и зять. На вид зятек был тот еще прощелыга. Смазливая мордашка и шныряющие хитрые глазки. На жену смотрел без всякой теплоты. Казалось, больше он интересовался своими тщательно отполированными ногтями.

Алена машинально отметила, что невестку, жену Сергея, с двумя ее детьми – уже существующим и находящимся еще в проекте – сюда не взяли. Наверное, не хотели травмировать подрастающее поколение видом кровавой бойни. А в том, что родственники настроены воинственно, никаких сомнений не возникало. Одни только сжавшиеся в тонкую полоску губы мадам Кротовой чего стоили!

Тонкие бесцветные волосы были забраны в тугой пучок. Лицо бледное. Лишь на губах кроваво-красная помада. Строгий черный костюм. Ну как же, вдова в трауре. А сама вся натянута, словно тугая струна, готовая в любой момент сорваться.

– Записная стерва! – тут же поставила Мариша диагноз. – И гадина!

Так оно и оказалось.

– Только не воображай, девчонка, что мы покинем этот дом! – заявила Кротова прямо с порога.

– Еще неизвестно, какая ты там дочь! – добавил Сергей. – И что у тебя было с этим адвокатом.

– Наверняка мать твоя шлюха, – заключила Ольга. – И могла нагулять тебя от кого угодно!

Один только Владимир промолчал. Он смотрел на Алену как-то странно. Во взглядах остальных родственников явственно читалось желание, чтобы Алена исчезла, испарилась, умерла. А взгляд Владимира был какой-то отсутствующий. Обдолбался он, что ли? Или просто думает о чем-то своем?

Но эта мысль мелькнула лишь у Алены в голове. Мелькнула и пропала. Потому что ей пришлось объясняться со своими новыми родственниками, которые взяли ее в круг. Как хорошо, что тетя Клава прислала к ней Маришу! Страшно подумать, что бы сделали эти люди с Аленой, встретить она их одна. Скорей всего, она бы просто убежала прочь в слезах. А так она смогла дать им отпор. Верней, отпор давала Мариша.

– Лучше помолчите, – лучась показным дружелюбием, заявила она. – А то ведь и судебных приставов кликнуть недолго. Господин Кац обещал содействие в любое время дня и ночи. Угадайте с трех раз, кому тогда придется покинуть этот дом?

Упоминание имени адвоката сделало свое дело. Про то, что Алена – дочь шлюхи, никто больше не заикался. Однако тепла в глазах тоже не появилось. И Алена внезапно с ужасом ощутила, как сильно ненавидят ее эти люди. Никогда прежде она не сталкивалась с такой откровенной, ничем не прикрытой ненавистью к своей скромной персоне. Однако теперь персоне ее стоила ни много ни мало тринадцать миллионов в твердой валюте. Поэтому следовало пересматривать свои взаимоотношения с окружающим миром и людьми.

– Давайте присядем, – робко предложила Алена. – Присядем и поговорим.

Как ни странно, все ее послушались. И неровной цепочкой, гуськом родственники двинулись в столовую.

– Только не вздумай подарить им этот дом! – догнав Алену, прошипела ей на ухо Мариша. – Благодарности от них не дождешься, себя тоже не обезопасишь, а мы потеряем их из вида!

– Что ты имеешь в виду?

– Пусть лучше они все остаются тут и будут у нас на виду.

Кажется, родственники хотели того же самого. Во всяком случае, они приняли предложение Алены пожить пока что всем вместе очень быстро. Не обошлось, конечно, без колкостей. Так, например, мадам Кротова, услышав предложение Алены, ядовито хмыкнула:

– Дожили! Какая-то выскочка приглашает МЕНЯ пожить в моем собственном доме!

– Мама, не начинай!

– Пусть знает, что я не сдамся! У вашего отца была опухоль мозга! Ничем иным нельзя объяснить столь дикое решение! Обойти родных детей и законную супругу, чтобы оставить все нажитое чужой девке!

– Мама!

– Я еще добьюсь, чтобы эту нахалку гнали отсюда с собаками!

– Уж не с Апашем ли? – ехидно поинтересовалась у нее Мариша, но вдова ее даже не услышала.

– Я обращусь в суд! – кричала Кротова. – Существует понятие вдовьей доли! И никто не может выгнать меня из собственного дома!

Но в общем, если учитывать сложившиеся обстоятельства, вечер прошел очень мирно. То ли все устали, то ли была какая-то другая причина, но все наскоро поужинали остывшими слипшимися пельменями и разошлись по своим комнатам.

Один только бурбуль по кличке Апаш остался доволен этим вечером. Когда все разошлись, Мариша собрала с грязных тарелок недоеденные пельмени и отдала их собаке. Получилась приличная порция. Апаш все слопал, зажевал булкой с маслом, и на его морде появилось выражение непоколебимой преданности новой доброй девушке.

– Что же, по крайней мере одного друга мы тут обрели.

– Зато все остальные меня ненавидят!

– Не преувеличивай. Тебя ненавидит твоя мачеха и ее дети. Да и то насчет младшенького я бы не стала высказываться так однозначно.

– Тебе не кажется, что он какой-то странный?

– Затоморженный?

– Да. И вообще.

– Кажется. Похоже, у парня большие проблемы с наркотиками.

– Как ужасно!

– Тебе-то что? – удивилась Мариша. – Или он тебе понравился?

– Что ты! Совсем нет. Он мой брат!

Но Алена так покраснела, что сразу же стало ясно, что она врет.

Новые подруги сидели в комнате Алены. Впрочем, комнаты Алены и Мариши находились по соседству. Мариша сама настояла на этом, желая иметь возможность постоянно контролировать, в порядке ли Алена и не случилось ли с ней чего-нибудь. Впрочем, стены в этом доме были толстые. Звуки сквозь них не проникали.

– Ужасно хочется узнать, что говорят между собой твои родственнички.

– Они спят.

– Как же! Это же клубок змей! Небось собрались где-нибудь и шипят.

И, сказав это, Мариша медленно двинулась к дверям.

– Куда ты?

– Пойду прогуляюсь. А ты сиди в комнате. И никому, кроме меня, не открывай. А то приду, а вместо тебя тут хладное тело.

Оставив напуганную до полусмерти Алену и оказавшись в длинном коридоре, который шел через весь дом, Мариша прислушалась. Вообще, планировка дома была изумительно проста. Одна широкая лестница, ведущая из холла на второй этаж. И от нее в обе стороны шел коридор, вдоль которого и располагались все жилые комнаты, кладовые, подсобные помещения и кухня.

Мариша шла по второму этажу, чутко прислушиваясь. Не раздастся ли где-нибудь поблизости змеиное шипение? Но нет, все было тихо. Где же спрятались Аленкины родственнички? Так Мариша дошла до оранжереи и замерла. Показалось или нет? Вроде бы раздался какой-то звук. Мариша постояла еще немного и поняла, что не ошиблась. В оранжерее кто-то был. Как бы узнать, кто и сколько?

– Сдается мне, что вся компашка спряталась там. Но как же войти?

Сложность заключалась в том, что двери оранжереи были стеклянными и возмутительно прозрачными. Вздумай Мариша пройти через них, ее бы неизбежно заметили.

– Хм. Что же делать?

Мариша прошла дальше. А это что за дверь по соседству? Заглянув внутрь, Мариша оказалась в чьей-то спальне. Кажется, тут жил Сергей – старший сын. Мариша подошла к окну и выглянула наружу. Какое разочарование! Никакого балкона тут не было. Но зато под окнами проходил широкий выступ. Истинное предназначение этого выступа оставалось непонятным. Но Мариша сразу смекнула, как эта штуковина может быть ей полезна.

– Если быть осторожной, то можно на него влезть.

Влезть и что дальше? А очень просто. Нужно только сделать несколько шагов по этому выступу и можно оказаться перед застекленной витриной оранжереи. А дальше как повезет. Если не свалиться, то можно услышать кое-что интересное. Эх, была не была! Мариша села на подоконник, свесила ноги вниз и уже приготовилась скользнуть наружу, как вдруг дверь открылась и в комнату вошел Сергей.

Взгляды Мариши и молодого мужчины встретились. Девушка скрипнула зубами. Надо же так попасться. И что ей теперь врать?

– Вы это чего? – разинул рот Сергей при виде болтающей ногами за окном Мариши. – Вы чего тут делаете?

– Так, – как можно безразличнее ответила Мариша. – Сижу. Проветриваюсь.

– А почему тут?

– А где же еще? Хорошая комната.

– Вообще-то это моя комната.

– В самом деле? – изумилась Мариша. – А я зашла, вижу, никого нету. Ну, думаю, дай посижу. Полюбуюсь окрестностями. Ночь-то какая дивная! Воздух опять же свежий. Не желаете ли совершить прогулку под луной?

От прогулки Сергей отказался с таким отвращением, что Мариша даже обиделась. В конце концов, не так уж она и плоха, чтобы так пугаться. Ну, погуляли бы... Не съела бы она его, в конце-то концов!

– Пойдемте! – соблазнила она строптивца. – Погуляем! Побеседуем.

– Нет, нет.

Мариша приближалась, Сергей отступал. Так они и кружили, Мариша наступала, Сергей уклонялся. Наконец Мариша сжалась над парнем.

– Точно не хотите погулять? – спросила она у него.

– Нет!

– Тогда я пойду?

– Идите!

Чтобы закрепить успех, Мариша еще и игриво подмигнула Сергею. И, проходя мимо него к дверям, улучила момент и словно невзначай коснулась его своей пышной грудью. Сергей вздрогнул и разве что не отпрыгнул в сторону. В его глазах замечались растерянность и страх. Парень явно не знал, как ему себя вести со странной гостьей.

С трудом сдерживая смех, Мариша произнесла:

– Ну, ладно. Не хотите гулять, как хотите. Насильно я ведь вас не потащу.

И с этими словами она наконец вышла из комнаты. Сергей проводил ее тяжелым взглядом. Но кажется, поверил, что Мариша забрела в его комнату исключительно с целью соблазнить его. Мужчины, они ведь такие самоуверенные. Любой, кто краше обезьяны хоть самую малость, воображает себя писаным красавцем, мачо и мечтой всех женщин.

Оказавшись в коридоре, Мариша сначала приснула со смеху. Но потом вновь стала серьезной. Как ни весело она провела время, но ведь она так и не узнала, кто и о чем шушукался в оранжерее. Сейчас там никого уже не было. Мариша в этом убедилась, оставив все церемонии и заглянув внутрь. Но в воздухе чувствовался запах табачного дыма. И ветка одной из пальм еще покачивалась, словно ее задела всего несколько секунд назад.

Возвращаться назад без добычи Мариша просто не могла. И потом у Алены в запасе совсем мало времени. Им нужно действовать, а не отдыхать. Отдохнуть они еще успеют, когда убийца будет пойман и обезврежен.

Выйдя во двор, Мариша почувствовала, как немедленно ей в руку ткнулось что-то мокрое и холодное. Оказалось, что это Апаш поспешил поприветствовать свою новую приятельницу. Положив руку на холку собаке, Мариша пошла с ним по саду. Уже совсем стемнело. Фонари горели только в подъездной аллее и возле дома. В самом саду было темно, хоть глаз выколи. Внезапно до слуха девушки донесся какой-то странный звук. Словно металл ударился о камень.

Мариша осторожно двинулась в ту сторону. И вскоре ее глазам предстало странное зрелище. На земле стоял фонарь, разбрасывающий вокруг пятно бледно-желтого света. В центре освещенной площадки стоял Гена с лопатой в руках. И он копал! Лопата равномерно поднималась и опускалась, перекапывая землю. От удивления Мариша невольно замерла. В принципе, если бы не позднее время, ничего странного в действиях Гены не было. Он ведь числился здешним садовником. А весенний день, как известно, зимой месяц кормит. Другими словами, весной лениться некогда. Что успеешь посадить, то и вырастет. А нет, так и не будет.

Но все дело было в том, что копал Гена как-то странно. Не вдоль, не вширь, а... вглубь. Другими словами, он копал яму. Очень большую и продолговатую. Ассоциации напрашивались самые неприятные. И тут Гена внезапно замер, потом поднял голову и взглянул прямо-хонько в то место, где стояла Мариша. Взгляд у него был яростным. И лицо кривилось словно бы от гнева. Такой хватит лопатой и ничего не побоится! И, тихонько взвизгнув, Мариша развернулась и помчалась прочь, мечтая только о том, чтобы оказаться вновь в хорошо освещенном доме.

Оказавшись в относительной безопасности, Мариша решила, что на сегодня с нее хватит.
– Нужно выпить пятьдесят граммов и лечь спать.

Спиртное находилось в баре. А бар был в гостиной. Мариша прокралась туда, нашла непечатую бутылку коньяка и, прихватив пару бокалов, отправилась к Алене. Но, к ее удивлению, девушки в комнате не было.

– Алена?! Алена, черт тебя дери! Что за шутки?

Мариша заглянула в шкаф, под кровать и даже в окно. Нету. Алена бесследно растворилась. И тут до Мариши донесся звук выстрела, звук разбившегося стекла, а потом пронзительный крик.

– Аленка! Ах ты!

И не думая об опасности, которая могла угрожать ей самой, Мариша бросилась на звук выстрела. Он донесся из недавно покинутой ею оранжереи. Ах, почему она не осмотрела ее получше! Как знать, возможно, она бы обнаружила притаившегося там преступника.

– Не уберегла! Не усмотрела! Что я теперь скажу Клавдии Матвеевне!

При мысли о том, как ей придется оправдываться перед соседкой в том, что она не углядела за ее племянницей, Марише стало по-настоящему плохо. Пожалуй, все-таки им со Смайлом придется менять квартиру. А ведь она только что закончила обставлять жилье. И теперь

все придется начинать по новой. А ее коллекция фарфоровых фигурок! Многие ли из них переживут переезд и столкновение с грубой реальностью в лице вечно пьяных грузчиков? Они разобьются!

Подгоняемая этой ужасной перспективой, Мариша влетела в оранжерею. Первой, кого она там увидела, была Алена. Девушка стояла и, кажется, была жива. Ну да, немножко в крови, но жива. И пострадала не сильно, иначе бы не смогла стоять на своих двоих и так истошно орать.

– Алена! Замолчи!

Марише пришлось встряхнуть девушку, прежде чем та заговорила.

– Уб... уб... убили! – выговорила она наконец, а потом завопила снова: – Убили! Убили! Убили!

– Кого убили? Очнись! Ты жива!

– Убили! Убили! Не меня убили! Ее!

И Алена мотнула головой куда-то за спину Мариши. Та обернулась и едва сдержала рвущийся из груди крик. На мраморном полу оранжереи, перед мирно журчащим фонтанчиком лежало распростертое тело. Не узнать его было невозможно. Мадам Кротова! Аленкина мачеха! Убита выстрелом в висок.

– Кошмар! Кто это ее так?

– Н... н... не знаю! – прокляцала зубами Аленка. – Выстрел, крики, стекло. Я думала, меня убили! А потом смотрю, она лежит. А я в ее крови! Меня забрызгало!

Мариша содрогнулась. Так вот чья кровь была на Алене! Неизвестный убийца застрелил мадам Кротову, когда та разговаривала, стоя в профиль к Алене. И тут в голове у Мариши шевельнулось сомнение. Как-то странно. Разговаривают обычно лицом друг к другу. Что враги, что друзья. Разговаривать, повернувшись в профиль, извините, просто глупо.

– Она собралась уходить, – пролепетала Алена. – Верней, велела убираться мне. Я шагнула, но поскользнулась.

– Да, полы тут скользкие. И кому пришло в голову делать мраморный пол в оранжерее, где всегда влажно!

– Я поскользнулась и ухватилась за ее плечо. И тут на меня брызнула кровь!

– А выстрел?

– Выстрела я сначала даже не услышала. Потом поняла, что он все-таки был.

– Ну, ясное дело. Раз Кротову застрелили, то был и выстрел. Тем более что я его слышала.

В это время в оранжерею ворвался Владимир. Одного взгляда на происходящее хватило, чтобы понять: случилось непоправимое.

– Мама! – кинулся он к телу. – Мама! Мама!

И, подняв глаза на Алену, вдруг крикнул:

– Это ты их убила! Убийца! Сначала отца, а теперь и мать!

Эта версия глубоко возмутила Маришу.

– Эй! Очухайся! Из чего бы Алена застрелила твою маму? Из пальца? У нее же нет оружия!

– Выбросила! – бормотал Владимир. – Избавилась! У нее было достаточно времени, чтобы это сделать!

– А стекло! – тут же нашлась Мариша. – Как бы она его разбила снаружи, находясь в это время внутри?

– Невелика премудрость – разбить стекло! Швырнула камнем, и все дела!

– В принципе верно. Но осколки упали внутрь, – вздохнула Мариша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.